

ЛЮБОВЬ МОЯ...

Любовь моя — алая, алая роза,
В июньский расцветшая зной;
Любовь моя — нежная, нежная песня,
Мелодии звук неземной!

О, как ты прекрасна!.. Как страстно люблю я!
Живу я, любовьюю горя;
И буду любить я тебя, дорогая,
Пока не иссохнут моря.

Пока не иссохнут моря, дорогая,
И в жар не растает скала!..
Пока в часах жизни песок утекает,
Ты вечно мне будешь мила!

Прости же, любовь моя, свет мой единственный,
На время с тобой расстанусь:
Хотя б из-за тысячи миль, дорогая,
Но все же к тебе я вернусь!

Я деньгам рад бывал,
Знавал я счастье дружбы пылкой
И мысли радость знал.
Но прелесть этих наслаждений, —
Хотя б их взять втройне, —
Не стоит нашей ночи с Энни
В цветущем ячмене!

Припев.

Красива рожь, ячмень хорош
Порою предосенней..
Не позабыть мне ночи той
В ячменном поле с Энни!

СРЕДИ КОЛОСЬЕВ ЯЧМЕНЯ¹

Когда так хорошо во ржи
Порою предосенней,
Я лунной ночью вдоль межи
Пошел проведать Энни.
Часы безудержно неслись,
Еще не брезжил день,
Я убедил ее пройтись
В поля, где цвел ячмень.

Синело небо. Ветер стих.
Свет лунный ярче дня..
Мы сели с Энни средь густых
Колосьев ячменя.

Ведь я любил ее сердечно,
Как и она меня..
Мы целовались бесконечно
В колосьях ячменя.
Сердечко Энни билось чаще,
Я лкнул к ней все нежней..
Благословен приют наш в чаще
Цветущих ячменей!
Клянусь звездами и луною,
Что, светлый миг ценя,
Благословит она со мною
Ночь в поле ячменя.
Бывал я весел за бутылкой,

МЕЛЬНИК

Гей!.. В муке весь мельник,
В муке его камзол.
Загреб он кучу денег,
А грош один извел.

В муке кругом все было,
В муке его кафтан,
В муке и поцелуй тот,
Что мельником мне дан!

Гей, в муке весь мельник,
Мешок его в муке!..
Он малый не бездельник,
Зерно в его мешке.

Всыпает понемножку —
Глядь, деньги в кошельке...
Отдам свою одежку
За мельника в муке!

МНЕ СЛИШКОМ РАНО ЗАМУЖ

У мамы я одно дитя,
Чужих боюсь по чести, сударь.
С мужичиной лечь в одну кровать?..
Да я умру на месте, сударь!

Припев.

Мне слишком рано замуж,
Мне слишком рано замуж,
Мне рано замуж, просто грех
Меня от мамы брать!

Купила мама платье мне,
Чтоб в храм надеть обновку.
Боюсь, коль с вами лягу я,
Порвете вы шнуровку.
День всех святых уже прошел...
Зимой так долги ночи, сударь!
В одной постели вместе быть,
Ну, право же, нет мочи, сударь!
Бушует ветер за окном,
Он рвет листву повсюду, сударь...
Что, если б вы пришли потом?
Я летом старше буду, сударь!

О, СВИСТНИ...

О, свистни, и я выбегу
К тебе, мой молодец!..
О, свистни, и я выбегу
К тебе, мой молодец!
Пусть батюшка и матушка
Сойдут с ума вконец,
Чуть свистнешь, и я выбегу
К тебе, мой молодец!
Когда захочешь свидеться
Со мной наедине,
Иди по черной лестнице
Тайком от всех ко мне.
Иди по черной лестнице,
Когда идешь ко мне...
И делай вид, как будто бы
Ты вовсе не ко мне!

ПРОБИРАЯСЬ ЧЕРЕЗ РОЖЬ...

Хор.

Жалко бедную девчонку:
Пробираясь через рожь,
Измочила вдрызг юбчонку,
Пробираясь через рожь!

Дженни, бедную девчонку,
Вечно мокрой застаешь:
Вдрызг измочит всю юбчонку,
Пробираясь через рожь!

Если кто-то с кем-то где-то
Встретился во ржи,
Неужли сейчас про это
Всем и Расскажи?..

Если кто во ржи кого-то
Целовал тайком,
Неужли сейчас охота
И кричать о том?..

Дженни, бедную девчонку,
Вечно мокрой застаешь:
Вдрызг измочит всю юбчонку,
Пробираясь через рожь!

КТО ЭТО В ДВЕРЬ МОЮ СТУЧИТСЯ?

Кто это в дверь мою стучится?..

— О, кто же, если не Финдлей?

Ты здесь не должен находиться!

— Нет, должен, — отвечал Финдлей.

Зачем как вор прокрался тайно?

— Выдь да взгляни, — сказал Финдлей.

Не натворил бы бед случайно?..

— И натворю, — сказал Финдлей.

Что ж, встать, впустить тебя, пожалуй?..

— Встань ипусти, — в ответ Финдлей.

Боюсь, заснуть не дашь мне, малый!

— Таки не дам, — сказал Финдлей.

Тебя оставить... можно ль это?..

— А ты оставь, — в ответ Финдлей.

Боюсь, ты не уйдешь до света?..

— И не уйду, — сказал Финдлей.

Коль у меня тебе остаться...

— Останусь, — отвечал Финдлей.

Боюсь, сумеешь вновь забраться?..

— И заберусь, — сказал Финдлей.

Но что б ни сделали мы оба...

— Уж сделаем... — в ответ Финдлей.

О том клянись молчать до гроба!

— Да уж смолчу, — сказал Финдлей.

ДУНКАН ГРЕЙ

К нам приехал Дункан Грей
В ночь под Рождество, ха-ха!

Были мы вина пьяней, —

Вот так сватовство, ха-ха!

Мэг косилась все сначала,

Гордо носик задирала

И беднягу презирала, —

Вот так сватовство, ха-ха!

Дункан Грей молил весь день,

Но к мольбам его, — ха-ха! —

Мэг была глуха, как пень, —

Вот так сватовство, ха-ха!

Дункан Грей вздыхал и клялся,

Он рекою разливался,

Утопиться обещался...

Вот так сватовство, ха-ха!

Время, чувства — волн прибор,

Больше ничего, ха-ха!

— Ты не любишь?.. Чорт с тобой!..

Вот так сватовство, ха-ха!

— Не помру, — решил наш малый, —

Из-за девки этой шалой:

Пусть идет к... чертям, пожалуй.

Вот так сватовство, ха-ха!

Вы спросите докторов,

Дело какво, ха-ха:
Мэг больна, а он здоров!..
Вот так сватовство, ха-ха!
Гаснет, чахнет, заболела..
До других ей нет и дела:
На него глядит несмело..
Вот так сватовство, ха-ха!
На уступку он пошел:
Мягко нрав его, ха-ха!..
Случай с Мэги был тяжел..
Вот так сватовство, ха-ха!
Доводить ли Мэг до гроба?..
Вот и стихла в сердце злоба..
А теперь в восторге оба, —
Вот так сватовство, ха-ха!

ВЕСЕЛЫЙ ВДОВЕЦ

Женился я на бабе вздорной
Тринадцатого ноября.
Язык болтуны непокорной
Всю жизнь мою испортил зря.
Гнул долго под ярмом я шею,
Всю чашу мук испил до дна..
И вот, — едва поверить смею, —
Скончалась наконец она!
Я двадцать лет как муж с женою
С ней жил — не малые года..
И вот дорогою другою
Ушла она бог весть куда.
Знай я заране цель страданий,
Что принесет мне этот брак,
Скажу по чести и без лести, —
Ее не выбрал бы никак!
Надежно скрyla прах могилы,
Над нею прочный мавзолей.
Но в ад душа не угодила:
Сам чорт не справился бы с ней!
Скорее там она, повыше,
Изображает в небе гром:
В грозе я часто голос слышу,
Что так мне в жизни был знаком!

ЖЕНИХ

Весной появился жених тут один:

Признаний и клятв не считал и не мерил...

А я-то в ответ: — Ненавижу мужчин!

О, чорт побери, он вдруг сразу поверил.

О, чорт!.. Так вот взял и поверил.

Мол, стрелы огня в моих черных глазах,

Мол, он умирает, любовью пылая!..

А я: — Умирайте, на кой вы мне прах?..

Прости меня бог, что ему солгала я,

Прости меня бог, солгала я!

Мол, свадьба, как только согласье я дам...

Он фермы богатой хозяин к тому же...

Я будто совсем без внимания к словам.

А думаю: быть бы могло и похуже,

Да, думаю: много похуже!

Но что бы вы думали?.. Впутался бес:

Прошло две недели, уж в поле у стада

Гулял он с родней моей, черною Бесс...

Поймете вы, как я была тому рада?

Поймете, как я была рада?

Неделю я сплошь протомилась тоской...

На сходку в Дальгәрнок пошла в воскресенье...

И что ж... Мой неверный стоит предо мной.

Ах, будто увидела я привиденье?..

Увидела вдруг привиденье.

Но все ж свысока ему кинула взгляд:

Соседи чего б не сказали дурного.

А он точно пьяный шатнулся назад...

И ну, приставать ко мне с клятвами снова,

И ну, приставать ко мне снова!

И очень любезно спросила я тут:

— Совсем ли прошла глухота у сестрицы,

И так же ль все туфли всегда ее жмут?

О, господи, как он тут начал божиться,

Ох, как он тут начал божиться!

Молил согласиться, бывое забыв,

Иначе ему умереть остается.

Ну что ж, чтоб бедняга остался бы жив,

Пожалуй, мне завтра венчаться придется,

Пожалуй, венчаться придется!

ПРОСТАК НАИВНЫЙ...

Простак наивный!.. Оболен
Ты легкой красоткой:
Исчезнет, как волшебный сон,
Твоей надежды миг короткий.
Порыв капризный ветерка,
Волны изменчивой движенье,
В далеком небе облака —
Вот женщины изображение!
Не стыдно ль внешность так любить,
С таким безумьем и страданьем?
Коль хочешь ты мужчиной быть,
Цренебреги пустым созданьем.
Зови приятеля скорей
С бутылкой доброго кларета:
Держись, пока ты можешь, пей,
А там в постель — и спать до света!

МОЙ МУЖ...

— Мой муж, как ваша речь груба!
Нападки ваши бросьте:
Я вам жена, а не раба...
Не лопните со злости.
— В семействе должен быть глава:
О, Нэнси, Нэнси!
На то у мужа все права,
Моя супруга Нэнси!
— Коль правда, к вашему стыду,
Что все права у мужа, —
Я навсегда от вас уйду,
Характер обнаружу!
— О том заране я скорблю,
О, Нэнси, Нэнси!
Ну, да уж как-нибудь стерплю,
Моя супруга Нэнси!
— Ах, дни мои уж сочтены:
Навек тебя покину!
Подумай, как своей жены
Перенесешь кончину?
— Я верю, небо сил пошлет,
О, Нэнси, Нэнси!
И я снесу печали гнет,
Моя супруга Нэнси!

— Но и под гробовой доской
Не дам тебе покою,
Сзывая страшных духов рой
К тебе порой ночью.
— Найду жену тебе подстать,
О, Нэнси, Нэнси!
И черти все со страху вспять,
Моя супруга Нэнси!

ПРИВЕТ ПОЭТА
СВОЕМУ НЕЗАКОННОМУ РЕБЕНКУ

Привет, дитя, желанной будь!
И пусть посмеет кто-нибудь
Меня смутить иль отпугнуть
От прав моих отцовских:
Я не стыжусь тебя ничуть,
Нет, я не из таковых.

Ты вся в красотку-мать, нет слов:
И я любить тебя готов,
Принять тебя под отчий кров
И так тобой гордиться,
Как будто весь собор попов
Помог тебе родиться.

Пусть я зовусь прелюбодей,
Пусть я соблазн деревне всей, —
Чем больше толков меж людей,
Тем буду я заметней:

Я не намерен, хоть убей,
Смущаться бабьей сплетней!

О, битв веселых сладкий плод!
Пожалуй, труд мой пропадет:
Ведь незаконный твой приход
Синклит глупцов осудит...
Но мой последний грош вперед
С тобою в долю будет.

Лишь вырастай такой, как я
Хочу, чтоб вышла дочь моя, —
Тогда я дам тебе любя

И нежность, и охрану,
Лелея твой расцвет, себя

Считать счастливым стану.

Лишь унаследовать сумей

Всю прелесть матери своей

И ум отца (но не имей

Отцовских заблуждений!),

И это будет мне милей

Богатства и имений.

ДЭЛИЯ

Прекрасен яркий лик Востока,
Прекрасен нежной розы цвет,
Но ярче Дэлия сияет,
Пышней красы ее расцвет.

Прелестно жаворонка пенье,
Прозрачен нежный звон ручья,
Но, Дэлия, еще нежнее
Мой слух чарует речь твоя.

Пчела, влюбившаяся в розу,
Впивает жадно сок цветка;
И жажде смуглого араба
Струя прохладная сладка.

Но, Дэлия!.. Как роза пчелку,
Меня от жажды расколдуй
И дай душе, спаленной страстью,
Один хоть влажный поцелуй.

ПОЦЕЛУЙ

Печать живая ласки нежной,
Завязка страсти молодой,
Любови весенней цвет подснежный,
О, чистый поцелуй святой!

Язык молчанья, вздох уступки,
Родник страстей, игра детей,
Залог блаженств грядущих хрупкий,
Расцвет блестящий лучших дней.

Восторг в печали, жест последний
Отрыва любящей четы,
Кто ж выразит любовь победней
И вдохновеннее, чем ты?

БУДЬ У МЕНЯ...

Будь у меня в скалах безлюдных грот,
Где над пучиной грозен бури взлет,
Туда б я скрылся от людей,
Ища забвения скорбей,

Пока печаль навек очей
Мне не сомкнет.

Ты всех коварней! Иль все клятвы ложь?
Пыл нежных слов стал воздухом?.. Ну, что ж!
Беги... Любовник ждет другой!

С ним смейся вдоволь надо мной!
Ужели ты потом покой
В душе найдешь?

МОНГОМРИ ПЭГГИ

Будь ложем эта мне земля,
Улегшись в вереске на плече,
Я б был счастливей короля,
Имей я здесь Монгомри Пэгги.

Когда в горах грохочет гром
И грозно мчатся ночи тени,
От бурь в объятии своем
Укрыл бы я Монгомри Пэгги,

Будь я барон, будь мой удел
Вся роскошь дедовских наследий,
Одну бы радость я имел:
Все разделить с Монгомри Пэгги.

ЖАЛОБА

На туманных утесах одиноко над морем
Там, где зимние вьюги завывают с тоской,
Отчего мое сердце так сжимается горем,
Если вижу путь бури над пучиной морской?

Волны... скоро умчатся мне по вашей пучине!
Дайте ж раньше оплакать мне мой берег родной,
Где цветка, что всех краше был в зеленой долине,
Моей гордости — Мэри, больше нет уж со мной.

Больше мне не бродить у ручья с моей милой,
Не смотреть, как играет лунным блеском вода:
Росы падают утром над холодной могилкой...
Моей Мэри мне больше не обнять никогда.

Больше сердца любовь не согреет... И следом
Поспешу я за бурей. Чуждый край вперед!
Там останется прах мой не оплакан, неведом...
Никогда уже радость не проснется в груди.

ЭЛИЗА ²

Прости, Элиза, друг мой нежный,
Прости, и край родной!
Навеки океан безбрежный
Разделит нас с тобой!

Но пусть моря лежат меж нами,
Пускай шумит прибой:
Не разделять его волнами
Моей души с тобой.

Прости, Элиза, друг сердечный,
Прости, любовь моя:
Разлука наша будет вечной,
Так чую сердцем я.

Но знай, Элиза, в миг печальный,
Как смерть придет за мной,
Тебе и сердца стук прощальный,
И вздох последний мой.

МАЙ

Когда приносит май для нас
Цветов и зелени запас,
Тут дорог, дорог каждый час
Садовнику с его лопатой.

Прозрачно нежен плеск волны,
В саду все птицы влюблены,
Ласкает ветерок весны
Садовника с его лопатой.

Едва за утренней едой
В сад заяц крадется с зарей,
Уж начинается труд дневной
Садовник со своей лопатой.

Но гаснет запад золотой,
Природе возвестив покой, —
Спешит в объятья к дорогой
Садовник со своей лопатой.

Бедняжку гонит страх.
За нею Вилли влопыхах,
Догнал ее в лесу, в кустах:
Просил, молил — и получил...
Прощение в грехах.

ЦВЕТУЩАЯ НЭЛЛИ

Среди цветов в июньский день,
Небрежно убрана,
Легла красotka Нэлли в тень,
Полна любви и сна.
Ее увидел Вилли: он
Давно уж в Нэлли был влюблен...
Глядел... желал... робел... краснел...

И весь дрожал, смущен!
Дремотой сладкой нежный взгляд
Был скрыт, как меч в ножнах.
От розы цвет и аромат
Был на ее устах.
Прильнувши к ней, цветы лилей

Лобзали грудь, что их белей:
Глядел... желал... робел... краснел
Он, стоя перед ней.
Одежду ветерок лесной
Ей развевал, резвясь...

В свободе линий с красотой
Гармония слилась.
Безумно сердце билось в нем...
Он поцелуй украл тайком:

Глядел... желал... робел... краснел,
Вздыхал он, к ней влеком.
Как коноплянка — порх! — с ветвей
На вспугнутых крылах —
Проснувшись, Нэлли прочь живой...

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА

Порою летней, в сенокос,
В раздольи нив еще зеленых,
Когда в садах так много роз
И клевер забелел на склонах,
Доярка-Бетти грезит вслух:
— Эх, выйду замуж — будь что будет!
На то ей кто-то из старух
(Ведь от совета не убудет):
— Да, женихов — непочат край,
А надо бы не без оглядки:
С умом ты, девка, выбирай,
Чтоб дом и кухня — все в порядке...
Вот, из Лесной долины Джон:
Усадьба — кто ни взглянет, ахнет!
Богат скотом и хлебом он...
А в бедности любовь зачухнет.
— Ну, нет, — мне Джон не подойдет:
Он так своим богатством занят,
Так любит землю он и скот,
Что на меня любви не станет.
Нет лучше Робби моего,
Меня он любит без сомненья.
Не променяю я его
На Джона и его именья.
— Ох, трудная дорога — брак,
Жизнь — битва вечная, красotka!
А биться плохо натошак,

И голод, девушка, не тетка!
Да, да: кто копит каждый грош,
А кто мотает без рассудка...
Но как посеешь, так пожнешь,
Запомни, это ведь не шутка.
— За деньги купим мы стада,
На деньги можно жить богато...
Но не купить нам никогда
Любви за серебро и злато!
Мы бедны, но рука с рукой
И жить ведь легче, и трудиться:
В любви и счастье, и покой, —
С ней я счастливей, чем царица!

О, будь крестьянин я простой,
Она ж крестьянкой, мне подружкой,
Я счастлив был бы ницетой
И самой бедною лачужкой!
Зимою, в стужу и дожди,
Трудясь с восторгом дни, недели,
Чтоб ночью прижимать к груди
Красавицу из Баллохмэля.

И пусть себе кто хочет — тот
Путь скользкий к славе ставит целью,
Пусть жажда золота влечет
К индийской шахты подземелью, —
А мне — пахать, пасти стада,
Чтоб сосны надо мной шумели
И чтоб со мной была всегда
Красавица из Баллохмэля!

КРАСАВИЦА ИЗ БАЛЛОХМЭЛЯ

Был вечер. Жемчугом росы
Блестели травы в час заката.
Неслась с бобовой полосы
По ветру сладость аромата.
Внимая песенке дрозда,
Кругом долины присмирели,
И только эхо иногда
Звучало в склонах Баллохмэля.

Я шел бесечно наугад,
Сам радостью природы светел,
И вдруг в лесной тени мой взгляд
Красотку-девушку заметил.
Как май была она ясна,
Как вешний луч глаза блестели.
Восторг шепнул мне: — Вот она —
Красавица из Баллохмэля.

Как майских утр рассвет хорош,
Как осени мягка прохлада,
Когда один в степи бредешь
Иль выйдешь в мир веселый сада!
Но женщина — природы дар,
Непревзойденный ей доселе:
И все затмила прелесть чар
Красавицы из Баллохмэля.

КАК НОЧЬ ДОЛГА

Как ночь долга, как ночь грустна
Вдали от сердцу милой...
Я до утра лежу без сна,
Хоть и устал — нет силы. (2 раза)

Я помню, дни текли светло
С тобою, сердцу милой...
Как много стран меж нас легло...
Ах, все во мне изныло! (2 раза)

Как время медленно ползет
В часы тоски унылой...
И как был скор его полет
В объятьях сердцу милой! (2 раза)

ЗОЛОТЫЕ КУДРИ АННЫ

Вчера я осушил бокал
В укромном уголке нежданно...
Вчера же до зари ласкал
Я золотые кудри Анны.
В пустыне алчущий еврей
При виде животворной манны —
Ничто пред радостью моей,
Когда уста целую Анны!
Берите вы весь мир, цари,
Все земли с Инда до Саванны, —
В моих объятьях до зари
Пусть тает стан воздушный Анны!
Что мне султанши пылкой страсть,
Царицы, славой осиянной, —
Мне только б насладиться властью
Обменом ласк безумных с Анной!
Скорее прочь, светило дня,
Диана, скрой свой лик туманный,
Вы, звезды, спрячьтесь от меня:
Я жду, я жажду встречи с Анной!
Укрой нас, ночь, своим крылом,
Веди скорее мрак желанный!
Из крыльев ангельских пером
Я напишу, как счастлив с Анной!

ПОСТ-СКРИПТУМ

Пускай закон и церковь нам
Грозятся карой постоянно,
Закон и церковь — все к чертям!
Была б со мною только Анна!
Я б без нее не прожил дня:
Она — весь свет, судьбой мне данный.
Будь три желанья у меня
Всего, так первым будет Анна!

Я ВИДЕЛ РОЗОВЫЙ БУТОН...

Я видел раннюю порой:
Бутон на розе молодой
Так нежно колкий стебель свой
Склонял росистым утром.

Но дважды ночи тень ушла:

Роскошно роза расцвела
И сладкий запах свой лила,
Алея ранним утром.

Гнездо в кустарнике густом,
И крошка-конопьянка в нем,
Росы обрызгана дождем,

Сидела ранним утром.

Но скоро выведет птенцов, —

Утеху сладкую дубров, —

В зеленой свежести листов

Они проснутся утром.

Так ты, о Джени, птенчик мой:

Твой голосок иль арфы строй

Утешит тех, кто был с тобой

Невинной жизни утром.

Так ты, прекрасной розы цвет,

Внесешь и счастье, и свет

Тем, кто лелеял твой расцвет

Счастливой жизни утром!

У МЕНЯ ЕСТЬ ЖЕНА...

У меня есть жена: ни за что
Не отдам я ее никому.
Мне рогов не наставит никто, —
Не наставлю и я никому.

Есть и грош у меня: за него
Не обязан ничем никому.
В долг я дать не могу ничего,
Но не должен и сам никому.

Господином я не был ничьим —
И не буду рабом никому;
И с мечом благородным моим
Я не дам себя бить никому.

Я свободен и весел всегда,
И не стану жалеть никого.
Не любим я никем — не беда:
Я и сам не люблю никого.

МОЯ ЖЕНА

О, какая чудесная крошка,
О, какая прелестная крошка,
О, какая веселая крошка...
Моя нежная крошка-жена!

Никого я не видел милей,
Никого не любил я сильней:
На груди ее прячу своей,
Чтобы враг не пропала она.

О, какая чудесная крошка... (и т. д.)

Если с нею мы рядом идем,
Мне борьба и нужда нипочем.
Все с восторгом приму: с ней вдвоем
Моя жизнь будет вечно ясна!

РАЗ ВЕЧЕРОМ

Раз вечером летним, бродя одиноко,
В кругу беззаботно игравших сельчан,
Я вдруг увидала неверного друга...
И хлынула кровь из открывшихся ран.
Хоть он меня бросил, дай бог ему счастья...
Странанье без жалоб и молча приму:
Надеюсь, что в жизни найду я другого:
Разбить себе сердце не дам никому!
От слез не могла я заснуть до рассвета,
И градом катились слезы мои:
Не выплачась вдоволь, разбилось бы сердце...
Нет горя страшней, чем измена в любви.
Меня он покинул, польстившись на деньги...
Но я б не хотела богатства его!
Нет, лучше нести мне груз тяжкого горя,
Чем друга так низко предать своего.
Что ж?.. Он меня бросил!.. Дай бог ему счастья:
Без жалоб и молча странанье приму.
Надеюсь, что в жизни найду я другого...
Разбить себе сердце не дам никому!

ОТ ДРУЗЕЙ...

Я от друзей, от милых мест,
От ненаглядной, от единой
Оторван злобною судьбиной,
Чтобы нести мой тяжкий крест.
Не зная утехи мне в страданьи,
Не зная мне отдыха в труде...
Коль память жгут воспоминанья,
То счастья нет ни в чем, нигде!
Затмится край и самый ясный,
Пустыней станет пышный сад,
Пока любовь и мир согласный
Нам не отдаст судьба назад.
И мощь венчанной лавром мести
Вернет изгнанников домой,
И возвратятся дети чести
Из-за морей под кров родной.

БОЛИТ МОЕ СЕРДЦЕ...

Болят мое сердце, и тихо я плачу:
Давно уж я в жизни забыла удачу.
Покинута всеми!.. Мой жребий суров,
А жалости нежной не слышу я слов.

Любовь, ты блаженство!.. Тебя я познала.
Любовь, ты страданье,— и как я страдала!
Но сердца больного прерывистый стук
Пророчит мне скоро забвенье всех мук.

О, будь я теперь в краю счастья далеком,
Где высится замок в саду над потоком,—
В нем тот, кто со мною мечтами всегда!..
Он горе б Филлиды прогнал без следа.

ОТКРОЙ СВОЮ ДВЕРЬ...

— Ах, открой свою дверь, пожалей ты меня!
Ах, открой свою дверь мне, открой!
Изменила мне ты, я же верен тебе...

Ах, открой свою дверь мне, открой!
Как мне ветер холодный лицо леденит...
Но любовь твоя все ж холодней!

И мороз, что в груди мне дыханье мертвит,
Не сравнится с тоскою моей.

Бледный месяц заходит за белой волной.

Вот и жизнь так уходит моя:

Обманула любовь, изменили друзья, —

О, прощайте, покину вас я!

Распахнулась дверь... Он лежит недвижим...

И она простонала тогда:

— О, мой друг!.. И упала она рядом с ним,
Чтобы больше не встать никогда.

К ЧЕМУ...

К чему вам, женщины, роптать,
Что неверны в любви мужчины,
К чему вам далеко искать
Непостоянству их причины?

Так вся природа создана:

Живет лишь сменами она,

И власть мужчине не дана

Быть исключением единым.

Взгляните: ветер в небесах,

Светил восход, потом затменье,

Прилив, потом отлив в морях —

Всегда и всюду измененья!

Ужли б нарушить смертный мог

Природы план и высший рок?..

Для нашей верности есть срок,

Как и для вашей, без сомненья.

О, КАК РОДИТЕЛИ...

О, как родители жестоки,
Когда одно богатство чтут
И злополучных женщин в жертву
Глупцам богатым отдают!

Увы, для дочери несчастной

Тогда дороги нет иной:

Чтоб избежать отца-тирана,

Несчастной сделаться женой!

Так, если реет ловчий сокол,

Вперед голубку гонит страх,

Она от гибели стремится

Спасть на трепетных крылах;

Потом, отчаявшись в спасеньи,

Не видит выхода... и вот,

Стрелку жестокому доверяясь,

Она к ногам его падет!

ЛОРД ГРЕГОРИ

Полночный мрак зловещ и страшен,
И грозен зимней бури вой.
Вот замок твой, вот стены башен...
Лорд Грегори, скорей открой!

Отцом осуждена в изгнание
Я за любовь мою к тебе.
Коль не любовь, так состраданье
Почувствуй ты к моей судьбе!

Лорд Грегори!.. Тот сад тенистый,
Тот берег ты ужли забыл,
Где с страстью девственной и чистой
Мне на борьбу не стало сил?

Как расточал ты уверенья,
Ты клялся, что навеки мой...
Сама верна, — без подозренья
Тебе я вверилась душой.

Лорд Грегори, ты жестче камня,
Ты сердцем тверже, чем скала!..
О, если бы с небес стрела мне
Покой и вечный мир дала!

Небесный гром, земным тревогам
Спеши забвенья принести,
Но грех передо мной и богом
Ему, неверному, прости!

В МОРЕ ДАЛЕКО

Как сердце радостным быть может
В разлуке с другом-моряком?..

Все время мысль мне сердце гложет:
Он в море, близок бой с врагом!

Где б ни была я, ни бродила,
А сердце вечно там, где милый...

Я грежу ночью, брежу днем
Все о далеком, все о нем!

Друг мой в море далеко,
Он в бурном море далеко...

Грежу ночью, брежу днем
Все о далеком, все о нем!

Пока в истоме, на припеке

Пасу спокойно стадо я,

Под тем же солнцем друг далекий,
Быть может, целит из ружья?

О пули, мимо вы летите,

О пули, милого щадите!..

Судьба меня, как хочешь, бей,
Но будь к любимому добрей.

Когда беззвездная завеса

Зимы повиснет над землей,

И буря гнет деревья леса,

И ветра слышен грозный вой,

А море с гулом, с ревом, с свистом

Шумит на берегу скалистом, —

Что в горе я могу своим?..
Жду и в слезах молюсь о нем.
О мир... подъямлив ветвь оливы,
Войны безумье прекрати,
Чтоб снова братства дух счастливый
Сумели люди обрести!
Тогда пусть ветер не стихает,
Но паруса сильней вздувает,
В мой объятия гоня
Того, в ком счастье для меня.
Милый в море далеко,
Он в бурном море далеко...
Грежу ночью, брежу днем
Все о далеком, все о нем!

К ЖАВОРОНКУ

Помедли, жаворонок мой,
Не исчезай в тени густой:
Напев твой грустный и простой
Страданья утишает!
Еще мне эту песню спой!
Хочу поймав напев я твой:
Авось он тронет сердце той,
Что так меня терзает.
Тебе подруга неверна?..
Тебя покинула она?..
Да, может скорбь любви одна
Такие вызывать звуки!
Поешь о том, как жизнь тяжка,
Как ночь темна, как жжет тоска...
Довольно... Замолчи, пока
Не умер я от муки.

К ПОЛЕВОЙ МЫШИ

(гнездо которой разорено плугом в ноябре 1785 года)

Пугливый, крохотный зверек,
От страха ты не чуешь ног:
Сердчишко бьет, как молоток...
Но страх напрасен:
К чему бежишь?.. Я не жесток
И не опасен!

Жаль: властью порваны людской
Природы связь и дружны строй...
Так мудрено ль, что предо мной
Дрожишь ты в страхе?..
Хоть я, как ты, — жилец земной,
Рожденный в прахе.

Воришка ты, известно мне,
Но жить ведь надо и тебе...
Два-три колосика в копне, —
Ты счастлив этим.
А недохватки мы в зерне
И не заметим!

Вот разорен твой крошка-дом,
Налаженный с таким трудом...
Что в поле взять тебе пустом,
Чтоб строить новый?

А ведь бушует уж кругом
Декабрь суровый!

Смотря, как обнажился луг,
Как дышит все зимой вокруг,
Мечтал вдали от зимних вьюг
Ты жить укромно:
Разрушил мой жестокий плуг
Приют твой скромный.

А сколько ты таскал туда
Соломы, травок для гнезда?..
В награду тяжкого труда
Лишен ты крова!
Грозят дожди и холода:
Зима сурова.

Ты не один в беде своей...
И у людей, как у мышей,
Подчас расчеты жизни всей
Нежданно рухнут,
И в мраке горя и скорбей
Надежды тухнут!

Но ты счастливее, чем я:
Вся в настоящем жизнь твоя,
Я ж вижу, в прошлое смотря,
Одну кручину.
А что в грядущем ждет меня?..
От страха стыну!

И скрасишь ниву ты, незрим
И одинок.

Одетый в снежный свой наряд,
Улыбке ясной солнца рад,
Ты поднимал так скромно взгляд
К нему с земли,
И вот теперь — растоптан, смят —
Лежишь в пыли!

Вот участь девушки простой,
Село пленявшей красотой
Цветка невинности святой
И чистоты:
Во прах растоптана судьбой
Она, как ты!

Поэт, так будет твой черед:
В житейском море все вперед
Твой челн неопытный плывет
Меж грозных скал,
Пока его не захлестнет
Свирепый шквал.

Страдалец честный так иной,
Прожив весь век в борьбе с нуждой,
До бездны гордостью людской
Он доведен
И с тщетной к небесам мольбой
Погибнет он.

Ты маргаритку пожалел...
Но ведь таков и твой удел:
Уж грозный плут судьбы задел
Твои цветы,
И близок... близок твой предел:
Падешь и ты!

К МАРГАРИТКЕ

(Стансы к полевой маргаритке, срезанной сохой
в апреле 1786 года)

Цветочек с розовой каймой,
Не в добрый час ты встречен мной:
Пришлось подрезать мне сохой
Твой стебелек,
И я прелестный венчик твой
На смерть обрек!

Увы, не жаворонок, нет —
Не милый, звонкий твой сосед
В траве росистой нежный цвет
Крылом задел,
Когда алеющий рассвет
Встречать летел.

Дул злобно ветер ледяной,
Когда ты раннею весной
Открыл глазок веселый свой
Средь бурь и гроз,
Едва над почвою родной
Головку взнес.

В садах приют цветам другим,
В тени, в ограде их храним;
Найдешь под камушком любу
Ты уголок

НЕМНОГИМ ДОВОЛЕН

Немногим доволен и малому рад,
Когда мне печаль и забота грозят,
Едва подползут, прогоняю их живо
Веселою песней и кружкою пива.
Печальные мысли подчас налетят...
Но жизнь — это битва: мужчина — солдат.
Веселье и юмор мне деньги заменят.
Свободы моей сам король не заденет!
Пусть годы невзгоды, но мысль о них прочь
Прогонит одна лишь веселая ночь.
Раз путь наш окончен, минули тревоги,
К чему вспоминать нам всю трудность дороги?
Пусть случай слепой как угодно бредет:
Ко мне ль, от меня ли — я смело вперед!
Труду иль досугу, блаженству иль горю —
Все — милости просим: с судьбой не поспорю!

В РАВНИНАХ ВОСТОКА

В равнинах пышного Востока
Зимой не скован бег потока
На ярком золоте песка.
Но часто злобою жестокой
Там в кровь окрашена река.

Те воды с отблеском багряным
Дарю рабам я и тиранам:

Течет по солнечным полянам

Моя река у Кэсль-Гордон.

В лесах тропических, душистых,
Вечно зеленых и тенистых

Несчастных в рабство продают,

Там шайки дикарей нечистых

Убийством, грабежом живут.

Леса в цветеньи вечно прянном

Дарю рабам я и тиранам:

Бесстрашно спорят с ураганом

Мои леса у Кэсль-Гордон!

Природа здесь без принужденья

Царит, ведет свои владенья,

В раздумьи сдержанном творит:

Под стать поэта настроенью

Растит свой лес, волну струит...

Я б здесь готов прогрезить годы,

Скрываясь в ночь от непогоды

В лесной приют, где плещут воды

У дорогого Кэсль-Гордон!

ОТРЫВОК

Бродил я ночью в поле,
Когда зацвел ячмень.
Чтоб помечтать на воле,
Я сел на старый пенёк.
Тек старый Эйр по склонам,
Стремясь в морской простор...
Вдруг дикий голубь стоном
Встревожил эхо гор.

ВЕСЕЛЫЙ ПАХАРЬ

Бродил я ранним утром в полях... И слышу вдруг:
Поет веселый пахарь, поет, ведя свой плуг.
В своей веселой песне он говорил о том,
Что нет его счастливей прекрасным майским днем!
Так жаворонок утром, когда с гнезда вспорхнет,
Летит, росой обрызган, в глубь голубых высот.
И с пахарем веселым ну петь и щебетать,
А вечером вернется в свое гнездо опять.

Простите, вереска поля,
И ты, родимая земля,
Былой любви моей места,
Где бродит грустная мечта.
Простите все — друзья, враги...
Любовь — одним, и мир — другим!..
В слезах твержу прости и вам —
Красавца Эйра берегам!

ПРЕКРАСНЫЕ БЕРЕГА ЭЙРА

Находит быстро мрак ночной.
Порывно грозен ветра вой.
Вот туча, от дождя пьяна,
К долине держит путь она.
Спешит охотник из болот,
Стремится к гнездам птиц полет..
Брожу, печален и суров,
Один вдоль Эйра берегов.

Заботит осень участь нив:
Их сгубит ранних вьюг порыв..
Ее спокойную лазурь
Смутили вихри зимних бурь.
Кровь стынет, слыша бури вой:
О бездне думаю морской,
Где должен к бурям быть готов
Вдали от Эйра берегов.

Но что валов свирепый вой
Иль чуждый берег роковой,
Хоть смерть там всюду: чем она
Несчастным может быть страшна?..
Нет! сердце связано мое.
Его пронзает острие...
Я узы рву... сочится кровь!..
Мне не увидеть Эйра вновь.

БЕРЕГА ДЭВОНА

Как красив в берегах своих вьющийся Дэвон,
Весь в зеленых кустах, весь в душистых цветах.
Но цветок самый лучший, украсивший Дэвон,
Был предельным бутоном на Эйрских холмах.

Алым утром росистым, в часы омовений
Будь, о солнце, добрее со стыдливим цветком.
Будь нежней с ним, о ласковый ливень весенний,
Ты, что ночью все листья оживляешь тайком.

О, щади мой цветок, резкий ветер восточный,
Ты, предвестник зари на студёных крылах.
Пусть не тронет его красоты непорочной
Гад, что губит всю зелень, всю радость в садах.

Золотою лилией гордятся Бурбоны,
Роза Англии пышно, торжествуя, цветет³,
Но прекрасней цветок мой в долине зеленой —
Там, где Дэвон, наш Дэвон, извиваясь, течет!

НА БЕРЕГАХ ДИ

К тебе, мой Ди, в твой ясный дол,
Где я бродила так беспечно,
Несу, хоть горя гнет тяжёл,
Я сердце, что все то же, вечно.

О, я люблю твой берег, Ди,
Хоть память здесь слезу разбудит.
Тут сердце мне разбил в груди
Тот, кто всю жизнь в том сердце будет.

ВОДЫ АФТОНА

Бесшумно теки, милый Афтон, в зеленеющих склонах
своих:

Бесшумно теки, я за это сложу в твою честь мой стих.
Убаюкала милую Мэри тихим плеском твоя волна:

Бесшумно теки, милый Афтон, не тревожь ее сладкого
сна.

Ты, гор-linka... Эхо в долине воркованьем своим не
буди!

В терновых кустах цветущих, черный дрозд, не свисти,
погоди!

Хохлагая луговка, тише,— пронзительный крик свой
умерь:

Охранять сладкий сон моей Мэри вам всем поручаю
теперь.

Величаво тебя, милый Афтон, холмы окружают твои:
Издайка по ним стекают, блестя, извиваясь, ручьи.

Когда уже солнце высоко, я в полдень брожу там
всегда:

Видю я хижину Мэри и мирные наши стада.
Как красиво в зеленой долине на мягких твоих бере-

гах,
Где буквицей белой поляны усыпаны густо в лесах.

Там в час, когда вечер над лугом роняет жемчужины
слез,

Мы часто сидим с моей Мэри под сенью душистых
берез.

Как чудно твои, милый Афтон, хрустальные воды те-
кут,

Красивый изгиб образуя, где Мэри смиренный приют.
С какой шаловливою лаской касаются милой струи,

Если Мэри в тебя погружает белоснежные ножки свои.
Бесшумно теки, милый Афтон, в зеленеющих склонах

своих,

Бесшумно теки, милый Афтон: тебе моя песня, мой
стих!

НА БЕРЕГАХ ДУНА

О берега красавца Дуна,
Зачем так пышен ваш расцвет,
Зачем поют так звонко птицы,
Когда в душе покоя нет?

Ты ранишь сердце мне, певунья,
В кустах терновника звеня,
Напоминая мне о счастье,
Навек покинувшем меня!

На берегах цветущих Дуна,
Бывало, пташки средь ветвей
Все о своей любви мне пели,
А я им пела о своей.

Я сорвала с улыбкой розу
В ее блистающей красе...
Украл мой друг неверный розу,
А мне шипы оставил все!

МОЕ СЕРДЦЕ В ГОРАХ

Мое сердце не здесь: мое сердце в горах,
Мое сердце несется за ланью в скалах,
На охоте за ланью, за дикою серной!..
Где б я ни был, в горах мое сердце верно!

О простите вы, горы, ты, север родной,
Край смелой отваги и чести прямой!
Где бы я ни блуждал, ни скитался далеко,
Мои горы родные люблю я глубоко.

О, простите вы, снежные цепи вершин,
О, простите, зеленые склоны долин!
О, простите, леса и кудрявые рощи,
О, простите, погоди бушующей мощи!

Мое сердце не здесь, мое сердце в горах,
Мое сердце несется за ланью в скалах,
На охоте за ланью, за дикою серной!..
Где б я ни был, в горах мое сердце верно!

СНИЛОСЬ МНЕ

Снилось мне: в цветах лежал я,
Их ласкал веселый луч...
Звону птиц лесных внимал я,
Вторил им хрустальный ключ.
Вдруг все небо тучи скрыли,
Вихрь помчался по лесам:
Ветви древние грозили
Мутным вздувшимся водам.

Так же утро жизни было
Безмятежно и светло...
Все дыханье бурь сгубило,
Цвет и радость унесло.
Но хоть рок мой беспощаден,
К обещаньям жизни глух,
Хоть судьбой я обокраден —
Сердце сильно, бодр мой дух!

ВИДЕНИЕ

Стоял я у старинной башни,
Там, где в стенах растет левкой,
Там, где сова тоской всегдашней
С полночной делится луной.

Улегся ветер: тихо было.
Срывались звезды в синей тьме...
Будя в долинах эхо, выла
Лисица где-то на холме.

Вдоль стен, орешником прикрыта,
Вода журчала в ручейке,
Спешила влиться в воды Нита,
Чей гул был слышен вдалеке.

На севере морские дали...
Там волны в бешеной борьбе
Вздымались вверх и вновь спадали,
Подобные людской судьбе!

Я поглядел кругом без цели
И вздрогнул: освещен луной,
Стоял в одежде менестреля
Суровый призрак предо мной.

Будь я из камня изваянье,
Он на меня бы страх навел.

Свобода — это начертанье
Я на челе его прочел.

Из арфы извлекал он звуки,
Что мертвых пробудили б сон...
Но ах, какую повесть муки
В тех звуках мне поведал он!

Он плакал над родной страной,
Он пел о счастья дней былых,
Но что он пел, от всех я скрою:
Не смеет повторить мой стих.

ЗИМА ЖИЗНИ

Давно ль нам взор лесов убор
Ласкал зеленым цветом?..
И веселей цветы полей
Сквозь дождь смеялись летом.
И вдруг вся наша радость
Зимою сметена:
Но срок лишь дай, вернется май,
С ним — солнце и весна!

Но снег седин, но след годин
Весенний луч не сгонит:
Ствол дряхлый мой, как вихрь зимой,
Сурово время клонит.
О старость!.. День твой труден,
А ночи страшен мрак...
Но юных лет живой расцвет
Не возвратить никак!

ЛЕНИВЫЕ ТУМАНЫ

Туман над холмами повиснул ленивый,
Скрывая причудливой речки извивы:
Что было так ярко, померкло, и вот
Уж осень природу зиме отдаст.
Леса обнажились, луг бурого цвета,
Исчезло убранство нарядное лета.
В раздумьи глубоко брожу одинок:
Как время летит!.. Как преследует рок!..
Я жил долгий срок, как напрасно он прожит!
Как мало мне жизни осталось, быть может?..
Как много, о время, прочь стерло ты лиц,
И сколько разорвано в сердце страниц!
Как часто безумны мы в миг восхождений,
А вниз... как темны, как печальны ступени!
При всем, что есть в жизни, в ней мало цены:
Мы жить для того, что над жизнью, должны.

УНЫЛЫЙ ДЕКАБРЬ

Привет мой, декабрь, зимний месяц унылый.
Тебя я встречаю с глубокой тоской:
На память приводишь разлуку ты с милой —
Прощание с Нэнси моей дорогой!
Есть горькая сладость в любовной разлуке,
Коль светит надежда на встречу опять:
В прощаньи навеки — лишь агония муки,
Тоске беспросветной конца не видать.
Как ветер зимою жестоко бушует,
Последнюю с веток срывая листву,
Так бурно мучительно сердце тоскует
С тех пор, как один без надежды живу.
И все же привет, о декабрь мой унылый,
Привет тебе шлю я с глубокой тоской:
На память приводишь разлуку ты с милой —
Последнюю встречу с моей дорогой.

ВЕСНА ВОЗВРАТИЛАСЬ...

Весна возвратилась с улыбкой ограда,
Окончилось мрачное царство зимы:
Прозрачных ручьев полетели каскады,
И утро, смеясь, озаряет холмы.
Сияние солнца в лазоревом своде,
В морях золотится зари колыбель...
И все наслаждается солнцем в природе,
А я наслаждаюсь красавицей Белль!

Сменяет весну ликование лета,
Там осень идет, в желтый цвет убрана:
Зима ее гонит, снегами одета...
Пока не вернется на землю весна.
Так в смене круг года свершает природа,
Преследует время все новую цель...
Не жду перемены, не знаю измены —
Всегда обожаю красавицу Белль!

ПЭГГИ

Дыханье ветра принесло
Погожей осени тепло,
Звук выстрелов по лесу слышен,
И с шумом крыл глухарь уж взмыл
Там, где цветущий вереск пышен.
Крестьянин рад: хлеба шумят,
Волнуясь, жатва золотится...
И ярки месяца лучи,
Когда один брожу в ночи
С мечтой о милой чаровнице!
Звук к ущельям гор привык,
В болоте любит жить кулик,
В полянах хлебных куропатки,
А горлинка летит туда,
Где человека нет следа, —
Ей сени лиственные сладки.
Пруды, ручей, вода ключей —
Для цапли нет верней приманки.
Орех всегда примет дрозда,
Терновник любит коноплянки.
Так каждый род себе найдет —
Ручной иль дикий, — что им нужно:
Кто одинок, а кто в кружок
Привык соединяться дружно.
Долой, долой власть воли злой,
Долой жестокий гнет насилья:
Охоты зов, лай злобных псов,

В крови трепещущие крылья.
Но выдь на миг: как вечер тих,
Как ласточек резвится стая.
Свод неба синь, в полях теплынь,
А даль — зелено-золотая.
Давай уйдем бродить вдвоем,
Любуясь красотой осенней,
Волнами нив, румянцем слив
И счастьем всех земных творений.
Бродя в полях, замедлим шаг,
Толкуя нежно под луною...
Твой гибкий стан я обйму,
Дам волю сердцу своему
И всю любовь тебе открою.
Ни свежий дождь цветам весны,
Ни золотая жатва жнице
Так не желанны, не нужны,
Как ты нужна мне, чаровница!

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Как?.. Бедность честная могла б
Нас придавить?.. Помилуй, боже!
Прогивен нам трусливый раб:
Хоть бедны, но горды мы всё же.
Да, всё же и всё же...
Безвестен труд наш — слова нет,
Но знатность — только штамп монет:
Их ценность — в человеке всё же!

Пусть скудно мы едим и пьем,
Пусть ходим в грубой мы одеже:
Дурак — в шелках, а плут — с вином...
Но люди — это люди всё же!

Да, всё же и всё же,
Нас мишурой не обмануть:
Кто честен, тот хоть нищим будь,
Среди людей король он всё же!

Вот гордый лорд на всех глядит
С такой надутой, важной рожей...
За ним восторженный синклит,
А он дурак набитый всё же!

Да, всё же и всё же —
Все ленты, звезды, ордена, —
Как эта выставка смешна
Тому, кто независим всё же!

Король решит — и произвесть
Любого может он в вельможи:
Создать же истинную честь
И сам король не в силах всё же!
Да, всё же и всё же —
Что значат ранги и чины?
Настолько больше есть цены
В уме и благородстве всё же!
Итак, в душе надежда есть:
Мечту мою исполни, боже,
Чтоб в целом мире ум и честь
Победу одержали всё же!
Да, всё же и всё же —
Наступит тот счастливый век,
Что человеку человек
И вправду братом будет всё же!

СТИХИ

(К портрету поэта Фергюссона ⁴,
написанные на экземпляре его произведений,
поднесенном одной молодой даме
в Эдинбурге в 1787 году)

(ОТРЫВОК).

Будь проклят, кто, твореньем наслаждаясь,
Творца на голод обрекать способен.
О ты, мой брат, мой старший по страданиям,
Старейший брат по музам!.. Со слезами
Сочувствую судьбе твоей несчастной.
Зачем же мир поэта не щадит,
Когда так ценит он его творенья?

СВОБОДА

О Каледония⁵, край вересков густых,
Край славных подвигов, страна псалмов святых,
К тебе свой взор я обращаю влажный:
Ужели дух свободы отлетел?..
Смешался с грудой мертвых тел
На поле том святом, где Уоллес⁶ пал отважный!
Не слушай, Уоллес, из своей могилы.
Ты, буйный ветер, молча пролети,
Героя сон последний не смуди
И не вдохни презренным трусам силы!
Так вот та мощь, что вдохновляла в бой
В войне за светлый лик свободы!..
Вот взгляд, чья ненависть бессмертна во прах
Склоняла гордого тирана.
Вот та рука, чей смертоносный взмах
Насилью наносил бесстрашно раны!
Как павшая звезда, тот взгляд покрылся тьмой,
А руку сделали бессильной злые годы!

ПРОСТИ...

Прости нашей чести шотландской бывалой
И доблести прежней — прости!
Шотландия воинской славой блистала,
Но больше ее не найти!
Где Сарк протекает песчаной пустыней,
Где Твид катит в море струи своих вод, —
Там Англии гордой провинция ныне!..
Мошенников шайка — и это народ?

Чего не добились ни хитрость, ни сила,
В течение многих веков, —
Измена продавшихся трусов свершила
За деньги наемных врагов.
С английскою сталью мы в битве кровавой
Справлялись с презрением, без всяких хлопот,
Но Англии злато нам стало отравой!..
Мошенников шайка — и это народ?

Чем видеть тот день мне, когда нас купили,
С моей головою седой,
О, лучше б лежать мне в той самой могиле,
Где Уоллес и Брюс⁷, наш герой!
И все ж, негодую, пока не умру я,
Твердить не устану, что сердце мне жжет:
Нас сдали за плату английскому злату!..
Мошенников шайка — и это народ?

БЕДНЫЙ И ЧЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Когда утих порыв войны
И мир вернулся кроткий,
Заставши не одну вдову,
Не одного сиротку,—

Я кинул лагерь боевой,
Где долго жил, безвестный,
Со всем богатством за спиной,
Солдат—бедняк, но честный.

Был сердцем чист и светел я:
Не грабил на войне,
Игги в родимые края
Отрадно было мне.

Я думал о реке родной,
О Нэнси думал милый,
О той улыбке дорогой,
Что юности светила.

Вот наконец зеленый дол,
Где детства дни промчались.
Лесок и мельницу прошел,
Где с Нэнси мы встречались.

Вот дом ее... И вдруг она
Выходит на крыльцо!

Мой взгляд застлала слез волна,
Я отвернул лицо.

И молвил, голос изменив:
— О, девушка-цветок!
Пусть будет истинно счастливым
Сердечный твой дружок.

Немного у меня в казне,
Далеко мне игги:
Я послужил родной стране,
Солдата приютю!

Прелестней прежнего стократ —
Она, вздохнув уныло,
Сказала: — Друг мой был солдат,
Его я не забыла!

Наш стол простой, наш скромный дом
Разделим все, что есть:
Солдата добрый ждет прием
Кокарде славной в честь.

Взглянула, стала ярче роз,
Потом бледнее лилий
И вдруг воскликнула сквозь слез:
— Да это ты, мой Вилли!

— Да, я!.. Свидетелем творец,
Владыка мироздания:
В награду верности сердец
Послал он нам свиданье!

Конец войне, я дома вновь,
Ты любишь, как бывало!..
Хоть денег нет, но есть любовь,
Разлука миновала.

Она ж в ответ: — Оставил дед
Мне деньги и усадьбу,
И мы, солдатик верный мой,
С тобой сыграем свадьбу!

Купец и фермер — все равно
Трудятся ради злата:
Но честь и слава — вот одно
Богатство у солдата.

Вы уважать его должны
И помнить, что для вас
Бедняк-солдат — оплот страны
В опасный день и час.

ПРАВА ЖЕНЩИНЫ

(Прочитано мисс Фонтенель в ее бенефис)

Пока Европы взор с волненьем обращен
На то, где пал король, где пошатнулся трон,
Пока и дети все, вершая судьбы века,
Лепечут о правах священных человека,
Средь этой суеты я вам вопрос задам:
Правами женщины не позаняться ль нам?
Как право первое, я вам скажу открыто,
В сношениях полов нам надлежит защита.
Головку с гордостью вздымающий цветок
Беспомощен, когда над ним бушует рок.
Он клонится к земле, всю красоту теряя,
Коль не спасет его от бурь рука мужская.
Второе право мы имеем... Но напрасно
И говорить о нем, — оно и так всем ясно:
Любой из вас скорей, я думаю, умрет,
Чем грубо оскорбит обычай добрый тот:
Учтись, вежливость. Да, правда, в дни былые
Отвага грубая была мужчин стихия:
Он клялся, пьянствовал, лез в драку, как дикий,
И дам покой смущал; но это было встарь.
Благодарю судьбу, мы больше уж не готы:
Давно исправлены все эти недочеты,
И для воспитанных (как все вы здесь) мужчин
Любезность, вежливость — теперь закон один.
Но наше лучшее, любимейшее право,

Что сердцу ближе всех, в чем наша честь и слава,
Что может превзойти и право королей,
Есть поклонение. Оно всего милей.
Им дышим и живем, оно нам служит раем.
Любовь бессмертную — жизнь жизни — в нем впи-
ваем;

Улыбок, вздохов, слез и взглядов арсенал —
О, кто бы против них, жестокий, устоял?
И если красота во всеоружьи встанет,
Кто, смелый, с ней на бой бесстрашно войско стянет?
Довольно ж королей, довольно конституций,
Вооружения и всяких революций:
Одно величество давно признать пора:
Признайте женщину... тогда, о, «Са йга»⁸.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

(к мистеру Уильяму Тайтлеру, с портретом поэта)

Почтенный защитник красавца Стюарта⁹,
Стюарта, чье имя чтить в сердце своем
Для верности не было выше штандарта...
Теперь оно стало нулем.
И вот на глаза набегает мне влага...
Упрека в измене никак не приму —
Но... вздоха не стоит ли странник-бедняга,
И царственный странник к тому?
Отцы мои чтили то имя на троне,
И пал, защищая его, не один.
Отвергнув, когда его слава в уроне,
Отступником стал бы их сын.
Молиться о здравьи согласен всецело
Георга с супругой и всех их дворян:
Умны ль они, глупы ль... мое ль это дело?
Страной моей признан их сан.
Но чем замечательна так уж эпоха,
Что нам даровала Ганноверский дом?¹⁰
Что вывезли к нам их, быть может, не плохо:
И им ведь недурно притом!
Но... будет такая дорога опасна:
Как знать?... наши моды меняются вмиг:
Мы лозунги нынче твердим громогласно,
А завтра нас вздернут за них.
Примите безделку (портрет мой) и верьте,

Что знак моего уважения в ней.
Не может молитва святого в час смерти
Быть искренней дружбы моей!
Уж жизненный вечер, ваш взор застилая,
Приводит унылый полуночный час,
Но вы, как на небе звезда золотая:
Ваш свет и в ночи не угас.

ХОЗЯЮШКЕ УОЧЕП-ХАУЗА

(М-сс Скотт из Уочепа)

Хозяюшка!

Я помню, в молодые годы,
Юнец неловкий, безбородый,
С серпом ли на гумне,
За плугом ли бредя устало,
Лишь об ученьи все, бывало,
Тогда мечталось мне.
Я стал мужчиной: можно было
Похвастать мне вполне
Полоской и подружкой милой
С другими наравне.
Я копны расторопно
Свивал и разметал,
И в шутках, в прибаутках
День целый пролетал.
Уже тогда (как, помню, страстно!)
Мечты одной и той же властно
Огонь мне душу жег:
Шотландии в ее владенье
Чтоб я отдал произведенье,
Сложить хоть песню мог.
И если я репейник колкий
Встречал среди овса,
То символ тот щадила полка,
Не трогала коса.

Не знаю, не желаю
Я радости иной:
Быть сыном, гражданином
Шотландии родной.
Но элементы песни зрели
В мозгу без формы и без цели,
Мне не давалась связь.
Пока не стал (обычай старый...)
На жатву с данною мне парой.
И песня родилась.
Ту, что задела сердца струны,
Я вижу, как сейчас:
Улыбки прелесть, облик юный
И блеск лукавых глаз.
Зажженный, вдохновенный
Красавицей моей,
Робел я и не смел я
Ни слова молвить ей.
«За женщин!» каждый честный малый
На зимних праздниках, бывало,
Воскликнет средь друзей:
В них небеса нам ниспослали
Рай на земле, бальзам в печали
И душу жизни всей!
Кто женщин враг, тем не мешало
Свою бы вспомнить мать,
Чтоб стыдно женщинам не стало
Их сыновьями звать.
Нет хуже, коль не нужен
Им милых женщин цвет:
И гнать их, избегать их
Мы все даем обет!
А вам, не знавшей стойл и пашен,
Чьей лирой край родной украшен,
Спасибо за привет.
И буду я носить с охотой
Мне присланный с такой заботой
Шотландский пестрый плед,
Его усердней сберегая
И трогая нежней,
Чем мантию из горностая

Иль пурпур королей!
Кончаю и желаю,
Чтоб впредь, как и теперь,
Печали миновали
Навеки вашу дверь!

Как с тяжбой дядя Бёрк¹³ своей?
 У Гастингса¹⁴ свербит ли шея?
 Растет ли рента, а налоги
 На что особо стали строги?
 Что в свете делают сегодня
 Танцорки, воры, принцы, сводни?
 Все ль полоумный принц Георг¹⁵
 Приходит от девиц в восторг,
 Иль все же стал в конце концов
 Умней крестьянских жеребцов?
 Без вас не знать бы мне об этом:
 Узнал — благодаря газетам!
 Вам возвращаю весь пакет.
 Всех благ, — примите мой привет!

ПОСЛАНИЕ

(к лжентльмену, который прислал ему
 бесплатно газету с предложением и дальше делать это)

Я проглотил газету разом:
 Читал все новости с экстазом.
 Как вы узнали, чародей,
 О чем мечтал я много дней?..
 Узнать политику всю нашу:
 Француз какую варит кашу,
 Как пляшет гнусный Франц-Иосиф,
 Венере нос в добычу бросив?
 Что турки с русскими, и как
 Одна из их обычных драк?
 И все ль итти мечтает швед
 Двенадцатому Карлу вслед?
 О Дании не пишут больше.
 Кто вертит всем хозяйством в Польше?
 Чем шпаги прусские прозят?
 Что итальянский спел кастрат?
 На что испанцы, португальцы
 Шипят, на что глядят сквозь пальцы?
 А как британская палата
 И наши милые ребята?
 Хранимый богом наш король
 Как в кворуме играет роль?
 Все жив ли хитрый Чатам-Вилли?¹¹
 И все ли Чарльз¹² ленивый в силе?

ИНВЕНТАРЬ

(Ответ на мандат податного инспектора)

Мой милостивый государь,
Шлю вам подробный инвентарь,
Как предлагает ваш мандат, —
Что я имею, чем богат.
Итак, *in primis*¹⁾, у меня
Есть удалая четверня,
Какая редко перед плугом
Когда-либо ходила цугом.
Хоть норовист мой коренник,
Зато выносливый старик.
Вторая — добрая кобыла...
Она не раз меня носила
В ваш городишко в дни, когда
Была дозволена езда.
Но раз — как был я женихом
(Бог, сжался над моим грехом!) —
Я, чтоб похвастаться ездой,
Загнал ее, болван такой,
И искалечил так беднягу,
Что ей теперь не сделать шагу.
О третьей я сказать могу,
Что лучшей к дышлу не впрягу.
Четвертая — породы горной,

¹⁾ Во-первых.

Горячка, сущий дьявол черный.
К ним — жеребенок-сосунок:
Из жеребенка выйдет прок,
Когда б до жеребца дорос,
Мне фунтов двадцать бы принес.
Телеги три — вот экипажи
(Две так почти что новых даже).
Есть тачка — это старый лом:
Ее как память бережем:
Ось кочергу нам заменила,
Мать в печке колесо спалила.
Есть у меня три молодца,
Три шалых, буйных сорванца:
Работник, конюх и потом
Малец, что ходит за скотом.
Я мягко их держу в руках
И разношу частенько в прах.
А каждым вечером воскресным
Допросом прижимаю тесным,
Так что малец-Давид и тот,
Хоть до колен мне достает,
А так и чешет из писанья,
Не хуже, чем и вся компания.
Служанок я не стал держать,
Чтобы соблазна избежать.
Я не женат — и слава богу:
Нет на девиц еще налогу...
Коль в лапы не попасть к попам,
Так мне и чорт не страшен сам.
А что до малых ребятишек,
Так есть одна, и то излишек,
Бесс — мой ребенок дорогой
С мордашкой славной и живой,
Хоть и не блещет красотой.
Но за малютку дорожую
Я цену заплатил большую:
Облodgeйте дитя и мать,
Так можете себе их взять!
Затем примите заявленье:
Я братъ не стану разрешенья,
И с этих пор — порукой честь —

Мне больше на лошадь не сесть.
Я в грязь не пожалю ног,
Но за седло не дам налог.
Пешком проделю дорогу:
Ходить здоров я, слава богу.
Минует вас с попом мой грош:
С меня не густо наживешь.
Меня в реестр вы не вносите
И шиллингов моих не ждите.

С тем заключаю: список мой
Собственноручно писан мной.
Чье это дело, пусть прочтет.
Subscript...¹ подпись, день и год.

¹ Подпись.

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

(БАЛЛАДА)

Раз три восточные царя
Решили заодно
Дать клятву, что погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Вспахали поле, глубоко
Зарыт был в землю он,
И громко поклялись цари,
Что умер славный Джон.
Но вот настала вновь весна,
С теплом дожди пошли,
И Джон, на удивленье всем,
Вдруг встал из-под земли.
С приходом лета стал расти
И крепнуть, что ни день:

Вся в острых иглах голова,
Попробуй кто, задень!
Но осень кроткая пришла...
Джон стал слабей, бледней,
Согнулся, головой поник —
Не ждать уж лучших дней.

Он все хирел и все желтел,
Заметно постарев...
И тут пошли его враги
Выказывать свой гнев.
Косою острой до колен

Подрезали его...
 Лежал он связан на возу,
 Как плут за воровство.
 Сняв, обземе бросили его
 И били из всех сил,
 На ветер вывесив потом,
 Чтоб он его крутил.
 И в яму темную налив
 Воды по самый край,
 Туда забросили его:
 Тони иль выплывай!
 И снова вынули: настал
 Для горших мук черед.
 Пока в нем признак жизни был,
 Возили взад, вперед.
 Сожгли на медленном огне
 Весь мозг его костей...
 Всех хуже мельник: раздавил
 Его меж двух камней!
 И взяли сердца кровь его.
 И пили без конца.
 Чем больше пьют, тем веселей
 Становятся сердца!
 Да! Джон Ячменное Зерно
 Герой отважный был:
 Кто кровь отведаст его,
 В том вспыхнет смелый пыл!
 Забвенье горю даст она,
 Удвоит радость в нас,
 Заставит, не смахнув слезы,
 Вдову пуститься в пляс!
 Так возгласим за Джона тост,
 И пусть из рода в род
 Навек в Шотландии его
 Потомство процветет!

ТЭМ О'ШЭНТЕР¹⁶

(СКАЗКА)

«Домовыми и духами полна эта книга».

Говин Дуглас¹⁷.

«Когда купцы спешат домой,
 А куманьки бредут к пивной,
 Базар кончают, и народ
 Уж отъезжает из ворот,
 Пока сидим да эль мы тянем,
 Куда как беззаботны станем:
 Забудем длинным милям счет,
 Не помним луж, плетней, болот,
 Что отдаляют нас от крова,
 Где ждет хозяйка нас сурово,
 И, туча-тучей потемнев,
 Следит, чтоб не остыл в ней гнев».
 Так думал Тэм о'Шэнтер мой,
 Из Эйра едучи домой.
 (Эйр — где все девушки прелестны,
 Мужчины же особо честны.)
 Эх, Тэм!.. Когда б ты был умней,
 Ты слушался б жены своей.
 Кэт говорила: — Ты лентяй,
 Болтливый, пьяный шалопаи:
 От ноября до октября
 Ты только пьешь да кутишь зря.
 А за зерно, мол, каждый грош
 Ты с тем же мельником пропьешь.
 Пойдешь ли в кузню с жеребцом,

И там напьешься с кузнецом.
А с праздника на понедельник
У церкви пьянствуешь, бездельник!
Она пророчила: — Вплотьмах
Потонешь в дунских ты волнах
Иль попадешь к нечистым в гости
Близ Алловэя⁴⁸ на погосте.

О дамы! Плакать я готов
При мысли, сколько мудрых слов,
Советов добрых пропадает,
Коль ими муж пренебрегает!

Но продолжаем! Вечерком
В базарный день, пред камельком,
Где весело дрова горели,
Наш Тэм уселся с кружкой эля.
Глотали чудный эль два друга:
Джон Соутер славный был пьянчуга,
Наш Тэм любил его, как брат,
С ним пил неделями подряд.
Ночь в песнях, в шутках мчалась живо:
Все лучше становилось пиво.
Тэм и хозяйка в нежность впали:
Смешки, секреты и так дале...
Джон нес со смехом всякий вздор,
Изображал хозяин хор...
Пусть воет буря за окном —
Для Тэма бури нипочем!

Печаль при виде их пирушки
Со злости утопилась в кружке!
Как в улей с сладкой ношей пчелы,
Летел мгновений рой веселый.
Блажен король, а Тэм славней:
Он победитель всех скорбей.

Но счастье, точно маков цвет:
Схватил цветок — уж цвета нет.
Иль снег, что на реку слетает:
Воды коснется и растает.

Иль как Борея¹⁹ быстрый лет:
Едва подул — как промелькнет.
Иль арка радуги цветная,
Что гаснет в мраке исчеза.
Не удержат прилив и время:
И час уж Тэму — ногу в стремя.
Час — сводный камень ночи черной...
В тот час Тэм на коня проворно...
В такую ночь едва ль, ей-богу,
Пускался грешный кто в дорогу!
Дул ветер из последних сил,
За ураганом ливень лил,
Блеск молний тьму глотал кругом,
Рычал протяжно, глухо гром.
В такую ночь — ребенку ясно —
Чорт делом занят не напрасно.

Тэм на кобыле серой Мег
(У ней был превосходный бег)
Скакал по лужам через грязь,
Дождя и ветра не боясь.
Покрепче свой копак надел,
Шотландский напевал напев,
Смотря с опаской из-под шляпы, —
Не угодить бы чорту в лапы.
Уж близился Кирк Алловэй —
Сбор сов, и духов, и чертей.

Вот перед ним уж брод лежит,
Где был разносчик в снег зарыт...
Вот ряд берез, камней обвал,
Где шею пьяный Чарльз сломал...
Вот заросль, где среди болота
Ребенка труп нашла охота...
А вот уж и колодец минул,
Где Мунго мать из петли вынул...
Дун катит волны перед ним...
В лесу шум бури нестерпим...
И вдруг зловеще средь ветвей
Блеснула церковь: Алловэй!

Лучи огней виднелись в щели.
Внутри плясали и шумели.

Смельчак Ячменное Зерно,
Тебе нас вдохновлять дано!
С двух пенсов мы куда как бойки,
Сам чорт не брат нам от настоек...
У Тэма эль в башке шумел:
Тэм на чертей плевать хотел.
Но Мег как вкопанная стала...
Хлестать пришлось ее немало,
Чтоб с места сдвинулась она.
Картина тут была страшна.
Плясала нечисть шайкой сбродной:
Не котильон французский модный,
Шли джига, риль и круговая —
Их пяткам жару подавая.
На подоконнике окна
Сел в виде зверя Сатана.
Косматый, страшный, мрачный пес
Обязанность оркестра нес:
В вольнку дул с такою силой,
Что кровля ходуном ходила.
Кругом открытые гробы,
И тайной силой ворожбы
В одеждах мертвецы нарядных
Держали свечи в пальцах холодных.
И видит Тэм при свете том:
Лежат на алтаре святом
Злодеев кости некрошенных,
Малюток двое некрещенных,
Казненный вор, из петли вынут
(Последним вздохом рот разинут),
Пять палашей из битв кровавых,
И пять секир от крови ржавых,
Шнурок, младенца задушивший,
Нож, старика отца сразивший,
Подъят сыновнею рукой
С прилипшей прядкою седой.
Три адвокатских языка,
Прошитых ложью лоскутка,

Сердца попов — грязь, гниль и прах, —
Воняли там во всех углах,
И много страшного такого,
Что грех промолвить это слово.

Наш Тэм глядел во все глаза...
Росло веселье, как гроза.
Волынщик дул сильней, сильней,
Пляс становился все быстрее.
Прыг, скок — вертелись во весь дух,
Пока не пронял пот старух:
Они лохмотья побросали,
В одних рубашках заплясали.

Ну, Тэм! А, Тэм?.. Будь предо мной
Красоток пышных юный рой,
Не в грязной серой бумазее —
В рубашечках, снегов белее,
Мои последние штаны
(Плюш синий: память старины)
Я скинул бы охотно с плечек,
Чтоб посмотреть на милых пташек,
Но ведь мы страшны до отврата,
Что скажут, точно жеребята,
Клюками звонко пол-дробя...
Да как же вырвало тебя?

Но Тэм нашел, чем поживиться:
Средь них была краса-девица.
Она в ту ночь вступила в клан.
(Немало средь прибрежных стран
Она потом скота убийца
И добрых лодок погубила,
Рожь выбивала и ячмень,
Грозой была для деревень.)
На ней рубашка холщевая
Вилась, колен не прикрывая,
Как много лет тому назад;
То лучший был ее наряд.

Ох, знала ль бабушка родная,
Рубашку внучке покупая

На всю-то выручку от льна, —
Где будет в ней плясать она?

Но муза здесь слагает крылья
И признает свое бессилье
Воспеть, как Нэнни пляс вела
(Гибка, сильна она была),
Как Тэм стоял, как заколдован,
Глазами к стройной Нэн прикован,
Как сам Олд-Ник, следя за ней,
Подскакивал, пыхтел сильней...
Прыжок, еще прыжок, и Тэм,
Рассудок потеряв совсем,
Как гаркнет: — Здорово, голышка!.. —
Тут сразу мрак и гнева вспышка...
Едва хлестнул кобылу он,
За ним весь адский легион.
Как слышен гнев в пчелином гуле,
Коль хищник нападет на улей,
Как лают псы, устроив гонку
Врагу смертельному, котенку,
Как на базаре мчится свора,
Заслышав крик: — Держите вора! —
Так вслед за ним бежит, летит,
Вопит весь дьявольский синклит.

Ох, Тэм!.. Эх, Тэм!.. попал в беду:
Как сельдь изжаришься в аду.
Кэт тщетно ждет тебя домой:
Быть Кэт печальною вдовой.
Ну, Мегги, выручай живей,
До моста доскакать успеи:
Запрет положен вражьей силе,
Чтоб реку не переходили.
Но раньше, чем вскочить на мост,
Пришлось утратить Мегги хвост.
Опередив весь адский рой,
За нею мчалась Нэн стрелой,
Стремилась Тэма ухватить,
Не зная, что у Мег за пруть.
Скачок — и Тэм спасен и цел...

Но Мегги хвост не уцелел:
В нее вцепилась Нэнни с тылу,
Обрубком сделавши кобылу.

Кто ни прочел бы мой рассказ,
Мужья и сыновья, из вас, —
Когда вас жажда мучит слишком
Иль тянет к юбкам-коротышкам,
То, от греха, найдите силу
Припомнить Тэмову кобылу.

МОЛИТВА СВЯТОГО ВИЛЛИ 20

Господь мой, сущий в небесах,
Ты, чья десница без помех
Шлет этих в светлый рай, а тех —
В мрак бездны преисподней,
Не за добро или за грех,
А милостью господней!

Хвали творца, душа моя,
Он вызвал из небытия, —
И вот на свет явился я,
Чтоб жить других безгрешней,
Как некий светоч, свет лия
По всей округе здешней.

Что значу я и весь мой род?
За что подобный мне почет,
Мне, кем проклятья тяжкий гнет
Заслужен до рождения,
Что нас пять тысяч лет гнетет
Из-за грехопадения?

Едва открыл я детский взгляд,
Как свергнуть мог меня ты в ад,
Где дождь огня и серы град,
Плач и зубовный скрежет,
Где черти воют и вопят
И цепь их больно режет...

Однако избран я творцом
Служить для прочих образом,
Стать храма истинным столпом,
Уроком чувств примерных,
И быть щитом, и быть вождем
Для целой паствы верных.

Ты знаешь, милосердный бог,
Как к пьянству, к ругани я строг,
Как ненавиستن мне порок
Да игры с песней, с пляской,
Я избегать их дал зарок,
Смотрю на них с опаской.

Но все ж, признаюсь я, господь,
Подчас меня смущает плоть,
И может жало уколоть
Земного вождельня.
Но как врага нам побороть?
Мы — прах, добыча тленья!

Вчера... о, дьявольская сеть!..
Я с Мег... Но милостью ответь:
Не дай в стыде мне умереть —
Тогда я безусловно
Не занесу над нею впредь
Своей ноги греховной.

Сознаться мне еще трудней:
С девочкой Лиззи я, злодей,
Три раза... Но вина пьяней
В тот день был я, презренный:
Не то не спутался бы с ней
Твой верный раб смиренный!

Но воля, может быть, твоя,
И похотью терзаюсь я,
Чтоб чистогою жития
Не вздумал возгордиться?
Коль так — до грани бытия
Рази твоя десница!

Спаси избранных своих:

У нас в селе немало их!

Но грянь на болтунов пустых,

Господь, и уничтожь их,

Чтоб не стыдили чад твоих,

Поистине слуг божьих!

Вот, например, Джон Гамильтон:

Играет, пьет, божится он,

Но им и стар и млад пленен:

И речью сладкогласной

Сердца людей смущает Джон —

Он церкви враг опасный!

Как не карать его проказ?

Ты веси, боже, что не раз

Посмешником он делал нас

И всю деревню нашу!

Так прокляни ж его запас,

Картошку, щи и кашу!

Услыши, господи, мой зов:

Ты эйрских разрази полов,

Пусть будет твой удар суров,

Не зная состраданья,

И не щади их медных лбов

За все их злодеянья!

А Эйкин с гладким языком!..

Дрожу я, вспомнивши о том,

Как мы стояли все кругом

И так тряслись со страха,

Что, верно, не на мне одном

Вспотела вся рубаха!

В день мести праведной твоей,

Господь, ты всех его друзей

Не пощади, не пожалей,

Не внемли их моления,

Но ради нас их всех скорей

Подвергни истребленью!

Меня же и домашних всех
Небесных не лиши утех,
Но и земной нам дай успех
И всех превыше долю.
И славен будь на небесах,
Аминь, аминь глаголю!

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Когда Борей, свободе рад,
Крутил и тряс безлистный сад,
А Феба лучезарный взгляд

На миг на юге
Едва блеснул сквозь листопад
И вихри выюги,

Шторм колокольни потрясал,
Усталый Труд давно уж спал,
В венце из белой пены вал,
Клубясь, вздымался
Иль, прорывая толщу скал,
Стремглав свергался,

Дрожали окна так, что страх.
А я все думал о стадах,
Как овцы глупые, впотьмах
Все в кучу сбиты,
Дрожат, карабкаясь в снегах,
Ища защиты.

А что-то в эту ночь с тобой,
С пичужкой малою лесной,
Что сладко пела так весной,
Даря мне счастье, —
Где скроешься ночной порой
Ты от ненастья?

И вас, о хищники лесов,
Что вышли на кровавый лов,
Грозу овчарен, я готов
Простить невольно,
Когда вас буря, как врагов,
Терзает больно.

Царица ночи той порой
Из тучи лик явила свой...
В душе теснился мыслей рой.

И вдруг протяжно
Раздался грустной песни строй,
Неспешной, важной.

— Сильней, сильней, о ветер, вей!..
Кусай больней, мороз колючий...
Спускайся, снег, из снежной тучи:
Соединяйтесь в ярости своей!
Не столько в вас вражды жестокой,
Ни злобы мстительной, глубокой,
Как к брату близнему живет в сердцах людей!
Взгляни: Насилие железной дланью
И Честолюбие кровавою рукой
Нужду, убийство, смерть по мирозданью
Разносят, точно гончих злобный рой.
И здесь, в долине сельской и укрытой,
Сквозь слезы Правда посылает весть,
Что Роскошь пышную сопровождает Лесть,
Что отравляют слух ей речи паразита,
И следует за ней рабов презренных свита.
И глядя на свои владенья свысока,
Она, надменная, считает бедняка,
Чей труд приносит ей несчетные доходы,
Созданием совсем другой породы,
Матерней других грубей,
Что где-то там внизу покорно служит ей!
О, где ты, где же ты, Любви святое дело...
Где Честь, которую вы хвалитесь так смело...
Те добродетели, какими мы живем?..
Под именем Любви возвышенным ужели
Стремленья темные к себялюбивой цели,

Забота только о себе самом?..
 Невинность девичью в силки без сожаленья
 Коварство гнусное манит,
 Закон хваленой чести позабыт
 И голос жалости молчит
 В ответ на слезы и мольбы!
 Быть может, в эту ночь, у нищеты в когтях,
 Она, твое дитя качая на руках,
 Под бурею таит свой материнский страх?..
 О вы! Кому закон — лишь прихоть своевластья,
 Лежащие сейчас на ложе пуховом,
 Подумайте хотя на миг о том,
 Кого покинули навек друзья и счастье.
 Голодный, он сейчас ложится на ночлег,
 Дрожа от холода, укрывшись на соломе,
 А ветер крышу рвет, в щелях гуляет в доме
 И, кровлю леденя, на дом ссыпает снег.
 О, вспомните о том, как тяжело в темнице,
 Как с Преступлением Несчастье томится...
 Виновных, человек, и тех ты пожалей:
 Ужели злобою законною твоей
 Преследовать и тех, кто пал и так глубоко
 Под незаслуженным, быть может, гнетом рока?
 В несчастьи братья все, печаль роднит весь свет:
 А брата облегчить блаженства выше нет!
 И вдруг все смолкло: ранний петел
 Страхнул прах снега с крыл
 И громким криком утро встретил
 И избы разбудил.
 Но мне запомнилась навеки
 Святая правда та —
 Что дар всех выше в человеке
 Есть сердца доброта!

ТРАГИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК

(Вопль сильной личности)

Какой бы ни был я злодей презренный,
 Упорный, нераскаянный преступник,
 Но больно сердцу от людских страданий.
 Я с искренним, хоть бесполезным вздохом
 Беспомощных детей нужды встречаю,
 С слезами гнева вижу я тирана,
 Ликующим над гибелью того,
 Чье преступленье — только гордость духа!
 И вас — толпу злосчастную — жалею,
 Кого жалеть боится лицемер:
 Бродяг бездомных, горемык и нищих,
 Кого привел к падению порок.
 Не будь друзей, кому воздал я плохо,
 И я б, как вы, был брошен на погибель:
 Стал самым худшим, жалким среди вас.
 Бог оскорбленный!.. В благодати ты дал
 Мне дарований больше, чем другим,
 Я ж ими злоупотребил преступно:
 Настолько ж превзойдя других злодейством,
 Насколько был талантом вознесен!

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ ²¹

Кантата

Когда осенних листьев стая
Кружится, землю заметая,

Темня Борея лёт,

Когда мороз кусает ранний,
Все в инее, в седом тумане,

И град лицо сечет, —

У Нэнси Позы в час вечерний

Сошлась вся голь и рвань,

Чтоб свой последний скarb в таверне

Оставить пьянству в дань.

И с грохотом и с хохотом

Гуляки драли глотки.

От хлопанья, от топанья

Звенели сковородки.

В лохмотьях красных и с сумой,

С солдатским ранцем за спиной

К огню присел служивый.

С ним рядом девка прилегла,

Сомлев от водки и тепла,

И шурилась сонливо.

Нет-нет, да крепче он прижмет,

Целуя, потаскушку,

Та ж подставляет жадный рот,

Как будто в церкви кружку.

Дружок ее чмок-чмок ее,

137

Как шелкают кнутом...
Фальшиво и хвастливо
Он затынул потом:

ПЕНИЕ

Я воин, Марса смелый сын, от прежних сохранил годин
Рубец и шрам я не один — след давних ран.

Был из-за девки первый шрам, второй добыт в
траншеях — там,

Где шли французы в гости к нам под барабан!

Окончил школу я свою в далеком северном краю,

Где у Абрама ²² пал в бою мой капитан.

А продолжал я ремесло, когда нам в битве по-
везло:

При Моро ²³ войско полегло под барабан!

Сраженье в море доконало: вот там мне ногу ото-

рвало

Да и руки как не бывало, — каков изъян!

Но коль потребует народ да поведет нас Эллиот —

Так я на костылях вперед под барабан!

Теперь безногий я прошу да на горбе мешки

И рад я каждому грошу, и пуст карман...

Но так же счастливы притом с девочкой, с

фляжкой и с мешком,

Как в дни, когда я шел с полком под барабан!

Пусть голова моя седа, зимой пусть холод и

нужда,

В лесах и скалах иногда мой дом, мой стан:

Продам мешок тряпья, сейчас куплю бутылки две

В запас,

Так встречу хоть весь ад зараз под барабан!

Речитатив

Он кончил. Балки задрожали,

Так грянул хор припев.

И в щели крысы убежали,

Со страху ошавев.

— Бис! — закричал скрипач-бродяжка

Из своего угла.
Но встала война милашка
И громко завела:

ПЕНИЕ

Я девицей была, а когда — я забыла.
Но красивых мужчин я люблю, как любила.
Из драгун кто-то был мне отцом, говорят...
Мудрено ли, что мил мне молодчик-солдат?
Мой первый отчаянным был мальчуганом.
Он гордо вел полк со своим барабаном,
Со стройной ногою, румяный был хват...
С ума меня свел мой молодчик-солдат!
Сменил старый пастор елейный беднягу:
И вот променяла на церковь я шпагу.
Поп — душу поставил, я — тело в заклад...
И так был обманут молодчик-солдат!
Наскучив с святошей игрою любовной,
Взяла я в мужья целый полк поголовно.
Капрал ли, горнист ли — любой из ребят —
Готова для всех, будь молодчик-солдат.
Мир вышел, и я побиралась сначала,
Пока моего старину повстречала.
Мундир хоть в лохмотьях — всё славный наряд.
И сердцу стал дорог молодчик-солдат.
И вот, прожила я... а сколько — забыла.
Для песни, для рюмки — всё есть во мне сила!
Пока еще крепко стакан мной зажат
За тебя, мой герой, мой молодчик-солдат!

Речитатив

В углу вел клоун разговор,
С ним девка медника сидела.
Но оба не вступали в хор:
И так им было в досталь дела.
Но наконец, разгорячен
Вином и страстью, встал он тоже.
Кривляясь, чмокнул Гриззи он
И песню начал с важной рожей:

132

ПЕНИЕ

Становится умник шутком, как напьется,
Шутом пред судом притворяется плут:
Но каждый из них ученик, мне сдается,
А я по профессии шут.
Мне бабушка книжку купила когда-то,
Но дал я от школы стрелка:
Быть может, ценил я свой дар маловато,
Но что же и взять с дурака?
За водку готов я рискнуть головою,
С девчонками — тут я мастак.
Но дальше... Что будете делать со мною?
Я признанный всеми дурак.
Раз как-то за буйство в общественном месте
Связали меня, как быка...
С амвона сам поп за девчонку по чести
Меня отчитал, дурака.
Бедняк потешает вас шуткой забавной,
А вы же глумитесь: мол, шут!
В парламенте тоже есть фокусник славный, --
Его там премьером зовут!
Его преподобье для паствы недаром
Своих не жалеет гримас...
Насмешки его над злосчастным фигляром --
Соперника зависть как раз.
Сказать в заключенье осталось немного,
А то я иссох без питья:
Кто глуп, так сказать, от природы, от бога, --
Тот много глупее, чем я!

Речитатив

Тут толстая старуха встала,
Особа не без капитала:
Живя от грешного доходу,
Она прошла огонь и воду.
Дружок ее был парень ловкий,
Да познакомился с веревкой!
И взвыла, точно с похорон,
О том, каков был горец Джон:

133

ПЕНИЕ

Мой милый Джон в горах рожден:
Он презирал долин закон...
Но чтит он свой родимый клан,
Красавец Джон из горных стран!

Припев хором

Гей, пойте, как хорош был Джон,
Гей, пойте, как хорош был Джон!
Никто б не мог сравниться с ним, —
Мой смелый Джон был несравним!

В плаще тартановом своем
Да в филлибеге и с мечом
Нанес он тьму сердечных ран,
Красавец Джон из горных стран!
Шатаясь с Твида и до Спей,
Мы жили лордов веселей:
Он не боялся горожан,
Мой храбрый Джон из горных стран.
Его изгнали из страны.
Но чуть пришел расцвет весны,
В глазах был сладких слез туман:
Со мной мой Джон из горных стран.
Тут и пришел конец ему:
Поймали... заперли в тюрьму.
Будь проклят, кем приказ был дан!
Повешен Джон из горных стран!
Теперь скорблю, живя вдовой!
Не знать мне радости былой!..
Одна утеха — пива жбан...
Прости, мой Джон из горных стран!

Речитатив

Скрипач бродячий, сам с вершок,
Толстую обнял поперек.
Но высоко достать не мог,
Так был он мал.
Как сито, он за жирный бок
Ее держал.
Другой рукой подперся он,

Возвел глаза и, вдохновлен,
Спел гамму, взявши верный тон
В ключе веселом.
И начал крошка-Аполлон
Свой номер соло:

ПЕНИЕ

Позволь стереть слезу с очей...
Пойдем со мной и будь моей!
Забудешь горе прежних дней, —
Плевать на все другое!

Припев

Бродя со скрипкою своей,
Игрою тешу я людей:
Один припев для всех милей:
— Плевать на все другое!
По сельским свадьбам, кабачкам,
Где пир, где сходка, мы уж там...
И Грусть сама подтянет нам:
— Плевать на все другое!
Веселым будем жить трудом,
На солнце греться над прудом
И на досуге запоем:
— Плевать на все другое!
О, дай мне жить в раю твоём,
Пока могу водить смычком,
Не будешь знать нужды ни в чем:
— Плевать на все другое!

Речитатив

Увы! не одного беднягу
Пленили вдовушки красы.
Но рыжий медник хват за шпагу,
А музыканта — за усы!
Стал клясться и божиться жутко,
Как кулика, его проткнуть,
Коль преграждать скрипач-малютка
Его любви посмеет путь.
Он был горяч: смекнул скрипач,
Что тут уж будет не до спора...

Простить просил свой «дерзкий пыл».
Так кончилась их ссора.
В сердчишке боль таил бедняк,
Но хоть страдал на них он глядя, —
Притворно фыркать стал в кулак,
Когда запел ей ражий дядя:

ПЕНИЕ

Душа моя, паяльщик я
И медник ремеслом.
Труд не тяжел: с ним обошел
Крещеный мир кругом.
Брать деньги рад — вступал в отряд,
Не раз, когда тянули:
В карман, а там — дерка задам
Паять свои кастрюли.
Что жалкий вьюн, щипатель струн? —
Куда вернее медник!
Надней той, чей обиход —
Котомка и передник.
Порукой бог — мой штоф в залог.
Клянусь бутылкой водки,
Коль я введу тебя в нужду, —
Век не смочить мне глотки!

Речитатив

К нсму, забыв стыдливость вдовью,
Склонилась она:
Не то — побеждена любовью,
Не то — была пьяна.
Скрипач тут был на высоте:
Он не повел и бровью,
Согласья пожелал чете
И пить за их здоровье
Заставил в эту ночь!
Чуть с дамочкой один амур
Не натворил чудес там:
С ней музыкантик-ферлакур
Укрылся за нашестом:
Но муж ее, — по ремеслу
Он был собрат Гомера, —

За ними шасть! — накрыв в углу,
Лишил он кавалера

Поживы в эту ночь!
Он был беспечным молодцом
В отряде Вакха смелом, —
И как ни била жизнь по нем,
А сердца не задела.
Хотел он лишь — веселье знать,
Томился лишь — с похмелья,
Он ненавидел лишь — страдать,
И муза песнь веселья
Сложила в эту ночь:

ПЕНИЕ

Хоть я поэт, но ходу нет
Мне в vyšший свет, и все такое.
Но мне Гомер дает пример:
Бродить и петь и все такое.

Припев

И то, и се, ну вот и все,
И то, и се, и вдвое...
Коль нет одной, есть две со мной,
Мне хватит жен и все такое.

Неведом вкус мне лужи муз
Кастальских вод и все такое,
Мой ключ течет, он пеной бьет,
Мой Геликон и все такое.
Я сердцем слаб, я женщин раб...
Я их люблю и все такое.
Но грешник тот, кто не живет,
Как бог велел, и все такое.
Свиданья час несет экстаз,
Любовь нас жжет и все такое.
Когда ж конец игре сердец,
Решит каприз и все такое.
От их проказ страдал не раз,
Терпел обман и все такое.
Но их пою, за них я пью —
Их все ж люблю и все такое!

И то, и се, ну вот и все,
И то, и се, и вдвое:
Я жизнь отдам за милых дам,
Пока дышу, и все такое!

Речитатив

Так пел поэт, и Нэнсин дом
Потряс рукоплесканий гром:
Кричал в восторге каждый.
Пуста мошна — тряпье в заклад...
Едва прикрыт остался зад,
Так все томилась жаждой!
Потом все стали приставать,
Гурьбой прося поэта,
Чтоб выбрал песню он опять
Не хуже той, что слета.
Он ждать не стал; веселый, встал
Меж двух любезных дев,
Обвел всех взором.
Все ждут, чтоб хором
Им подхватить припев.

ПЕНИЕ

Вот, друзья, дымится жженка:
Пир у нищих, пир горой.
Пойте хором, дружно, звонко,
Повторяйте все за мной!

ПЕНИЕ

Дрянь — все, кому закон по вкусу,
Свобода — светлый праздник нам.

Суды полезны только трусу,
А церкви — выгода попам!

Что значат деньги, титул знатный?..
Что слава?.. Это все пустяк!
Нам лишь бы жизнь была приятной,
Не все ль едино где и как?
По свету мы весь день гуляем,
С умением, с пеньем ли своим:
По сеновалам, по сараям
С милашкой ночью сладко спим.

И легче ль пышная коляска
Промчится посреди полей?..
На брачном ложе слаще ль ласка,
Горит ли там любовь светлей?
Мелькает жизнь многообразно,
Мы не желаем ей мешать:
Пускай боится тот соблазна,
Кто что-то может потерять.
Итак, я пью за братью нашу —
Лохмотья, торбы и сумы!
За голь, за рвань поднимем чашу
И все «аминь» воскликнем мы!
Дрянь — все, кому закон по вкусу,
Свобода — светлый праздник нам.
Суды полезны только трусу,
А церкви выгодны попам!

Иль поделиться лептой трудовой,
Коль в чем-нибудь нужда, с семьей своей родною,

Отраднa встреча братьев и сестер.
Справляются с любовью друг о дружке,
Кто что видал, заводят разговор:
И весело летят часы в лачужке.
Родителей не наглядится взор...
О будущем гадают втихомолку.
Мать из старья шьет заново убор,
Не выпуская ни на миг иголку,
Отец внимателен к веселому их толку.

Вставляет мудрый свой совет порой:
Хозяев слушать, честно делать дело,
Не увлекаться пьянством и игрой,
Работать так, чтоб все в руках кипело.
О!.. И на бога уповать всецело,
Свой помнить долг, свершая день забот,
Чтобы в соблазн не впали дух и тело,
Просить его защиты и щедрот.
— Кто ищет к богу путь, всегда его найдет.

Но вдруг тихонько в двери стукнул кто-то...
Кто постучал, известно Джэн одной:
— Сосед, мол, с нею шел через болото...
Ее проводит, кстаги, он домой.
Ох, Джэн, не скрывать от матери родной
Сиянье глаз, предательский румянец!..
С заботой мать пытается, кто такой,
И рада знать, что парень не из пьяниц,
Степенный человек, не нищий оборванец.

С приветом Джэнни вводит гостя в дом.
На славу парень! Джэн в душе ликует.
Родным по сердцу: так хорош прием.
Отец о пашне, о скоте толкует..
Гость с радости ног под собой не чувствует,
Но оробел, смущен: ни стать, ни сесть.
Мать поняла, что юношу волнует,
И для нее отрада в мысли есть,
Что дитишу ее не хуже прочих честь.

///

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР ПОСЕЛЯНИНА

Ноябрьская сердито воеет вьюга,
Короткий зимний день сменился тьмой.
Волы в грязи отпряжены от плуга.
Летят вороньи стаи на покой.
Крестьянин, проработав день-денской,
Кончает всю недельную работу.
Собрал мотыку с заступом, с киркой...
Назавтра отдых: с плеч долой заботу.
Усталый, он домой шагает по болоту.

Вот одинокий виден уж приют,
Укрыт надежно липой вековою...
К отцу навстречу малыши бегут
Шумливаю и радостной гурьбою.
Блестит приветный огонек звездною...
Очаг уютный, добрый смех жены,
Сынишка младший с детской болтовнею,—
И все заботы разом сметены:
Усталость, тяжкий труд — исчезли, точно сны.

Тут старшие подходят друг за другом:
С окрестных ферм, из ближнего села.
Все — в людях: кто при стаде, кто за плугом,
А кто справляет в городке дела.
Вот Джэн, семья надежда: как мила!..
С улыбой нежной, с юной красотою:
Домой обновку показать пришла

Любовь! Всю жизнь ты озаряешь светом!
Что радостней, чем сердца юный пыл?..
Бродил я долго в скучном мире этом
И наконец признаться должен был:
Чтоб мир печальный не был так уныл,
Творец нам дал миг счастья быстротечный,
Когда чета в разгаре юных сил
Друг другу шепчет сказку страсти вечной...
И сладкий аромат струит терновник млечный.

Найдется ль кто-нибудь среди людей,
Чтоб без пощады и без угрызений,
Глухой к любви и к истине злодей,
Сердечко соблазнил невинной Джени?
Проклятье козням адских ухищрений.
Иль честь и совесть в нем найти нельзя?
Или судьба не знает сожалений,
Чтобы родных предупредить, грозя,
Как Джени их близка погубила стезя?..

Но вот и ужин: скромный, но здоровый:
Тут каша — всей Шотландии оплот,
Похлебка от единственной коровы,
Жующей мирно жвачку у ворот.
Раздобившись, хозяйка подает
В честь гостя сыр, хранившийся любовно.
Неволит кушать: очень хвалит тот;
Она же сообщает многословно,
Что сварен сыр, как лен зацвел, год будет ровно.

Покончен ужин; смех и говор стих.
Садятся все в кружок, очаг пылает...
Тут библию — завет отцов своих —
Как патриарх, хозяин вынимает.
Он голову с почтеньем обнажает
(Лоб у висков уж тоже обнажен)
И тщательно псалом он выбирает,
Которому внимал еще Сион:
— Теперь помолимся, — провозглашает он.

Поют... и безыскусствен строй напева;
Но высоко возносятся душой.

Поют, быть может, «Дунди» — песню гнева,
Иль «Мучеников» грустный стих простой,
Иль «Эльгин»: лучший гимн страны родной!
Италии прекрасной песнь любая
Бесцветна по сравнению с тобой:
Она щебечет, нежно слух лаская,
Но с нею не слита хвала творцу святая.

Священнику подобно, тут отец
Читает им священные страницы,
Как Авраама возлюбил творец,
Как царь-певец рыдал под звук цевницы,
Сраженный гневом божией десницы...
Плач Иова и трогательный зов
Из ужаса прижизненной гробницы...
Небесный пыл Исая страстных слов
Или иных святых пророков и певцов.

В сравненьи с этим как бедна у нас
Религия для блеска, для карьеры,
Где в гордых храмах все есть напоказ,
За исключением настоящей веры.
Там молятся ханжи и лицемеры:
Обрядов их не примет всеблагодой,
Но в хижине, вдали от пышной сферы,
Услыша вдруг язык души живой,
Внесет он бедняков в великий список свой.

Но старшим уж пора и по домам:
Ложится детвора и засыпает...
Мать и отец тихонько к небесам
Горячие молитвы воссылают:
Пусть тот, кто воронов лесных питает
И одевает лилии в полях,
Их милостью своей не оставляет:
Заботится о милых их птенцах,
А главное — всегда живет у них в сердцах.

Вот в чем родной Шотландии величие —
Любовь своих и чуждых стран почит.
Власть королей дает чинов различье,

Но благородство только бог дает.
Лачуги, не дворцы, ведут вперед
Стезю добродетели в смиреньи:
Мирская роскошь — часто тяжкий гнет,
Под ней — нередко гнусное творенье,
Коварство адское, пороков изощренье

Шотландия! Родной, любимый край!
За сыновей твоих мои моления!
Здоровый дух, довольство, мир — пускай
Всегда хранят их мирные селенья!
Да не коснется их зараза тленья,
Яд роскоши, пороков гнусных гной.
Пусть мир тогда торгует без стеснения
Коронами, но остров свой родной
Народ весь окружит, как пламенной стеной!

ДВЕ СОБАКИ

В шотландском уголке одном,
Что бухтой Олдкинг мы зовем,
В безоблачный июньский день,
Когда уж удлинялась тень,
Два пса, не занятые дома,
Сошлись как добрых два знакомых.
Один — по кличке Цезарь; он
Беспечно жил при знатном лорде:
Судя по росту, шерсти, морде,
Был родом из чужих сторон,
Куда мы посылаем лодки
На лов трески или селедки.
Ошейник с буквами, блестящий,
С замком — все выдавало в нем,
Что джентльмен он настоящий
И образованный притом.
Но, хоть породой вроде лорда,
Держал себя отнюдь не гордо:
Ласкался он к любой дворняжке,
С «Цыганкой» ел из той же чашки,
На рынке ль, в кузне, где угодно,
С любой собакою безродной
Встречался он как друг и брат,
С ней рыскал по холмам был рад.
Другим владел один крестьянин:
Рифмач, безумец, нравом странен,
Его в друзья себе избрав,
Он кличку дал ему «Люаф»,

Псу из старинной песни в честь,
 Сложенной кем, когда — бог вестъ.
 Умней, верней — навряд ли колли
 Еще скакал по лужам в поле:
 Своей веселой мордой честной
 Снискал друзей он повсеместно.
 С пятном на лбу и с грудью белой,
 Шерсть черная, как шелк, блестя,
 Колечком завит хвост задорный,
 По ляжкам бил его проворно.
 Псы были дружны меж собой:
 Их не разлить бы и водой.
 Носились вместе по откосам
 И рылись друженно носом,
 Гоня кротов из их норы,
 Дразня друг дружку для игры.
 Но утомясь от беготни,
 Уселись на холме в тени
 И тут пустились в рассужденья
 По поводу «венца творенья».

Цезарь

Люаф почтенный, я не раз
 Дивился: что за жизнь у вас,
 У бедных псов, — таких, как ты:
 И как живут средь нищеты?..
 Наш лорд все получает в срок:
 Дичь, уголь, топливо, оброк.
 Встает, когда он сам захочет,
 Чуть позвонит, лакей подскочит..
 Коня ль, карету ль подают:
 Кошель он вынимает тут,
 Длинной в мой хвост, битком набит,
 В нем золотой Георг сквозит..
 С утра у нас весь день подряд
 Пекут и жарят, и варят.
 Хоть первый господам черед,
 Но здорово и дворян жрет!
 Рагу да соусов — всего,
 Ну, прямо грех и мотовство!
 Пикер²⁴ наш — чорт его возьми! —

Несчастный карлик меж людьми,
 А слопаёт в обед поболе
 Любого землепашца в поле.
 Но чем мужик набьет желудок,
 Не постигает мой рассудок!

Люаф

Да, Цезарь!.. Плохо им, нет слов,
 Копать в воде по пояс ров,
 Из камней класть в грязи плотину
 Иль гнуть в каменоломне спину..
 И тем кормить себя с женой
 Да малых ребятишек рой.
 И лишь трудами рук своих
 Обуть, одеть, поднять всех их.
 А как придет болезнь, нужда
 Иль безработица?.. Беда!
 Подумаешь, нелзя бы хуже:
 Помрут от голода и стужи.
 Но как они и почему
 Не унывают, не пойму:
 И так растят себе исправно
 Девиц красивых, парней славных.

Цезарь

Да... но какое к вам презренье,
 Пинки, обиды, оскорбленья!..
 Дворянство видит скот в холопах,
 Чернорабочих, землекопах..
 Их презирая свысока,
 Как я — вонючку-барсука.
 Видал не раз в приемный день я,
 Не без сердечного стеснения,
 Коль фермер не заплатит в срок,
 Как управитель с ним жесток.
 Кричит, сажает под арест,
 Грозится снять последний крест..
 А тот, сняв шапку, стой учтиво,
 Дрожи да слушай терпеливо.
 Жизнь богачей я знаю сам.
 Но, верно, плохо беднякам?

Люаф

Не так, как можешь думать ты:
Хоть на волос от нищеты
Всегда, но это им привычно
И не пугает их обычно.
Судьба и случай их хранит,
И каждый как-нибудь да сыт.
Хоть и устанут от работы,
Миг отдыха, — уж прочь заботы!
Всего дороже им на свете
Жена их верная и дети.
Их тешит крошек болтовня
Зимой у мирного огня;
Довольно на два пенса пива,
Чтоб жизнь казалась им счастливой.
Свои заботы позабыв,
Толкут все наперерыв
О новых податях и платах,
О церкви и о патронажах,
О государственных делах,
Попов ругают в пух и прах,
И нравам Лондона — столицы —
Никак не могут надивиться.
День всех святых — ноябрь — придет,
А с ним в деревне посиделки,
И сочных шуток перестрелки.
И забывает всяк в селе,
Что есть забота на земле.
В веселый день — под Новый год —
Запрут от зимней стужи вход;
Эль в кружке пенится сверх края,
Сердца весельем наполняя.
Табак и трубочка с огнем
Обходят дружно всех кругом.
Толкут старики неспешно,
У молодежи шум и пляс.
Мне так смотреть на них уютно,
Что сам пускаюсь в лай подчас.
Но между тем ты все же прав...

Лишают часто всяких прав
Людей, достойных уваженья,
Почтенных, честных: без стесненья
Вон с корнем!.. Разговор тут прост,
Несчастного иной прохвост
Помещику в угоду губит:
А тот народ, быть может, любит,
Дела в парламенте ведет,
Для блага родины живет?

Цезарь

Для «блага родины»? Эй, брось!
Тебе их видеть не пришлось.
Нет!.. мямлит, подчинясь премьеру,
«Да, нет», — он по его примеру.
И только! Жизнь его — парады,
Ростовщики и маскарады.
Подчас, почувавши отвагу,
Сорвется вдруг в Калэ иль в Гагу;
Когда вдруг пожелает он
Увидеть свет, узнать «бон-тон»,
Спешит он в Вену иль в Версаль:
Наследства предков ведь не жаль!
То бой быков и звон гитары
В Мадрид влекут его, как чары,
То ловит девок непотребных
В садах Италии волшебных,
А там — питье немецких вод,
Чтоб снова нагулять живот
И возместить ущерб здоровью,
Что нанесен синьор любовью.
«Для блага»?.. — Для ее вреда:
Крамола, мотовство, вражда!

Люаф

Ох, батюшки! Так вот ворота,
Куда идет богатств без счета?
Так весь наш труд и вся нужда —
Чтоб деньги утекли туда?
Эх, жили б от двора подале
И сельский спорт предпочитали,

Счастливей были бы тогда
И бедный люд, и господа.
Иной из них — крикун, гуляка,
Но что дурного в нем однако —
Пусть только лес его не рубят,
Не дразнят девки, что он любит,
Его не тронут глухарей —
Так к бедным людям нет добрей!
За то уж, Цезарь, вероятно,
Жизнь богачей весьма приятна?..
Им холод, голод — звук пустой:
Не страшно им пред нищетой...

Цезарь

Ох, брат!.. Пожить со мной тебе —
Забыл бы зависть к их судьбе.
Ну, да: им не дрожать зимой,
Не обливаться потом в зной
Иль, кости натрудив работой,
Под старость мучиться ломотой.
Но люди глупы! Это рок.
Ученье, школа им не впрок.
Чем меньше жизнь их удручает,
Тем мельче вещь их огорчает.
Крестьянский парень вспашет поле —
И лучшей не желает доли.
За прялкой сельская девица
Спрядет урок — и веселится.
Но господа, тем больше дамы,
Без дела пропадают прямо.
Томленье, лень, слабость, вялость,
Хоть не болезнь, всегда усталость.
Их день тосклив, скучней врага.
Ночь беспокойна и долга.
Их скачки, их балы, парады,
В местах публичных кавалькады,
Все это — роскошь, пышность, свет,
А радости-то в сердце нет.
Мужчинам — спорт, игра, пари,
Кутеж совместный до зари,
Ночь — пьянство, оргии, разврат,

Наутро жить уж не хотят.
А дамы! Так на вид дружны,
Как сестры меж собой нежны:

А заглаза — какого чорта,
Тут разговор иного сорта!
Сидят за чашечками чая,
Настойку сплетни поглощая,
Иль напролет всю ночь гнут спинки,
Играя в чортовы картинки,
На карту ставят урожай
И, как последний негодяй,
Плутуют — только не зевай!
Есть исключенья, но, к несчастью,
Таких встречаем большей частью.

Меж тем уж солнце скрылось прочь,
И темная спускалась ночь.
Гудели сонные шмели,
Коровы на удой пошли,
Друзья встряхнулись, рады сами,
Что не людьми родились — псами,
И дружелюбно разошлись,
Условившись опять сойтись.

